

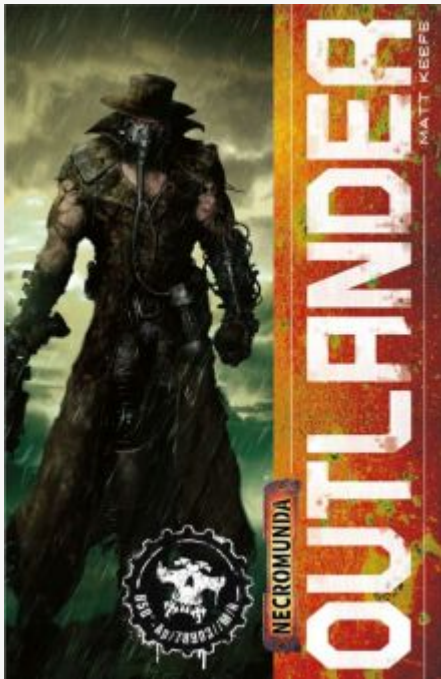
Чужак / Outlander (роман)

Перевод в процессе: 8/14

Перевод произведения не окончен. В данный момент переведено 8 частей из 14.

Чужак / Outlander (роман)

Автор [Мэтт Киф / Matt Keefe](#)

Переводчик Brenner

Издательство Black Library

Год издания 2006

Экспортировать [PDF](#), [EPUB](#)

Чтобы хотя бы начать понимать бесплодный мир Некромунды, сперва вы должны понять города-ульи. Эти рукотворные горы из пластали, керамики и рокрита на протяжении столетий разрастались, чтобы защитить своих обитателей, так что чрезвычайно напоминают термитники. Население городов-ульев Некромунды исчисляется миллиардами, и они крайне индустриализированы. Каждый из них обладает промышленными мощностями целой планеты или колониальной системы, собранными на площади в несколько сотен квадратных километров.

Внутренняя стратификация городов-ульев также представляет собой познавательное зрелище. Вся структура улья является копией вертикального отображения социальных статусов его жителей. На вершине находится знать, под ней - рабочие, а под рабочими располагаются отбросы общества, изгои. Особенно это становится очевидно на примере улья Примус, резиденции губернатора планеты

лорда Хельмавра Некромундского. Аристократы – дома Хельмавр, Каттал, Тай, Уланги, Грейм, Ран Ло и Ко`Айрон – обитают в «Шпиле» и редко выходят за «Стену», которая стоит между ними и громадными кузницами, а также жилыми зонами непосредственно города-улья.

Ниже города-улья располагается «Подулье»: фундаментообразующие слои с жилыми куполами, промышленными зонами и туннелями, которые были заброшены предшествующими поколениями, однако заново заселены теми, кому некуда больше податься.

Впрочем... люди – не насекомые. Они плохо уживаются вместе. Их может вынудить к этому необходимость, но в городах-ульях Некромунды сохраняется внутренняя разобщенность такой степени, что зверства и открытое насилие являются повседневной рутинной. Подулье при этом представляет собой совершенно беззаконное место, плотно забитое бандами и отступниками, где выживают лишь сильнейшие или наиболее хитрые. Голиафы, твердо верящие в право сильного; матриархальные мужененавистницы Эшеры; промышленники Орлоки; технологически мыслящие Ван Саары; Делаки, само существование которых зависит от их шпионской сети; неистовые фанатики из Кавдора. Все они ведут борьбу ради получения преимущества, которое возвысит их – неважно, на сколь краткий срок – над прочими домами и бандами Подулья.

Поразительнее всего, когда отдельные личности пытаются преодолеть монументальные физические и социальные границы улья, чтобы начать новую жизнь. Принимая во внимание обстановку в обществе, возвыситься в улье практически невозможно, однако спуск вниз – в целом более легкий, пусть и менее привлекательный вариант.

- выдержка из книги Зонариария Младшего

«Nobilitate Pax Imperator - Триумф аристократии над демократией»

□

Содержание

Пролог

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Пролог

Не все обитатели подулья – уроженцы теплого сумрачного царства под Городом-Ульем. Многолюдное подулье принимает в свое лоно каждого: обездоленные, исполненные надежд и отчаявшиеся – огромные темные глубины в равной мере открыты для всех.

Также не все из этих людей попросту обречены на подобное – существуют и те, кто сам выбирает жизнь в подулье. Кажется невообразимым, чтобы богатые и могущественные захотели разделить с угнетенными неприглядное равноправие, однако есть и такие: обладатели странных акцентов и непривычных имен, или же вовсе безымянные; люди без прошлого, с собственными планами. Они скрываются, ищут, задают вопросы, вкушая сладкие плоды опасности, недоступные тем, кто живет в тихой роскоши выше Стены.

Кто, в самом деле, сможет сказать, что движет чужаком, который тихо прихлебывает «Бешеную змею» в темном углу, вдали от торговых маршрутов и мирских забот? Никто не скажет, ведь никто не станет и спрашивать – так, по крайней мере, должно обстоять дело

Однако стоял Сезон Пепла, когда неистовые бури с пустошей за пределами улья набирают такую силу, что проносятся по нижним горизонтам улья, обращая и без того грязный воздух в сплошную непроницаемую серую мглу, и никому не следует покидать свой дом. Но этот незнакомец покинул, невзирая ни на что, и уже одно это служило достаточным основанием для расспросов.

Глава 1

– Что за дело? – спросил Эркет, грохнув своей кружкой по барной стойке, чтобы продемонстрировать нарастающее нетерпение. Сказать по секрету, Эркет скверно переваривал находившееся внутри грязное пойло – особенно в разгар Сезона Пепла – и надеялся, что немного может перелиться через края, избавив его от мучений при употреблении, или от унижений, если оставить недопитым. И оно действительно расплескалось, хотя никто бы этого не заметил среди луж дряни, которыми уже был покрыт поросший илом старый гнутый пиллерс, выступавший в качестве стойки.

Незнакомец не проявил подобной несдержанности или слабых характеристик. Он спокойно опрокинул свою «Бешеную змею», напоследок затянулся токсигаретой и приподнял шляпу ровно настолько, чтобы почесать скальп под ней, после чего повернулся к дерзкому малолетке.

– *Мое* дело, – в конце концов, ответил неизвестный. Он был невозмутим настолько же, насколько дергано себя вел Эркет.

Внутри Эркета тут же полыхнула ярость. Его кровь закипела, лицо бешено покраснело. Успей Эркет уже показать себя достойным носить полную кавдорскую маску, он мог бы спрятать свое лицо, а вместе с ним – и нарастающий гнев. В нынешних же условиях вокруг черной кожаной полумаски, прикрывавшей часть лица возле глаз, проступил болезненно-красный ореол, так что всем – и не в последнюю очередь этому неподатливому незнакомцу – было очевидно: Эркет выходит из себя.

Прошел едва ли час с тех пор, как неизвестный прибыл в Падучие Пески, выйдя из пепельных бурь так, будто стоял ясный день в Шпиле. Весь городок уже гудел от разговоров о незнакомце и то ли безумии, то ли смелости, с которыми тот отважился путешествовать среди шторма в одиночестве и без помощи.

Пока остальные сплетничали в дверях, Эркет принял решение пойти более прямым путем. И потому отыскал неизвестного, отсиживавшегося в «Трубе на дороге» – единственном питейном заведении Падучих Песков, а также том месте, где, по мнению Эркета, он не имел никакого права находиться.

– И что же это за дело, чужак? – произнес Эркет, уже спокойнее, чем раньше. Сохранение невозмутимости перед лицом высокомерного пришлого било по его гордости, однако он понемногу

начинал осознавать, что незнакомец, возможно, хотел как раз того, чтобы он потерял самообладание. И все же внутри он был в бешенстве. Где Эркет, а где этот безымянный никто, считающий, будто может ему не подчиняться. *Ему. Эркету. Эркету из Союза.* Союз правил этим городом, а, как полагал Эркет, это означало, что *он* правит городом, и он не собирался допускать возражений со стороны какого-то бродячего глупца.

Неизвестный ничего не сказал. Его токсигарета успела погаснуть с момента последней затяжки, и он сосредоточился на том, чтобы разжечь ее заново. Когда он поднес к кончику маленький искрящийся грифель, Эркет резким движением треснул незнакомца по руке, выбив этот грифельный палец, который упал на пол и полыхнул фосфорно-зеленой вспышкой.

Этого хватило. Незнакомец в одно мгновение оказался на ногах перед Эркетом. Его правая рука схватила воротник одеяния Эркета, стянув тот настолько туго, что Эркет вместо задуманного яростного проклятия смог издать только унижительное сдавленное мычание. Левую руку неизвестный мигом вскинул к лицу Эркета и сорвал небольшую маску, встретившись взглядом с перепуганным малолеткой.

- Послушай-ка, малыш, - произнес незнакомец. - Мои дела - это мои дела, и, пока я не примусь расспрашивать тебя о твоих, сдастся мне, так все и останется. Усек?

Все слова неизвестного звучали выверенно, спокойно и невероятно угрожающе. Эркет заизвивался, но узловатая кисть пришлого лишь сжала хватку, придушив его и не оставив иного выбора, кроме как слабо кивнуть головой и покорно поднять руки.

Незнакомец тут же выпустил его, от чего струсивший Эркет повалился было на одно колено, пока не восстановил равновесие, кое-как избежав позорного падения набок. Кожаная маска выпала из руки неизвестного и приземлилась у ног Эркета, вынудив того совершить еще один недостойный поклон, а потом и еще один - нервничающий малолетка сперва не смог удержать свою маску, но затем наконец-то подхватил ее кончиками побелевших от страха пальцев.

Чужак лишь снова устроился на своем табурете, глубоко затянувшись токсигаретой, зажатой между губ. Та почему-то снова горела, хотя Эркет мог поклясться, что грифель ее так и не коснулся.

Эркет отшатнулся назад, натягивая маску, чтобы вернуть себе если не достоинство, то хотя бы анонимность. Остальные за ним уже повставали на ноги, сходясь на драку, и Эркет вздрогнул и остановился, упершись спиной в высокого, мускулистого Лакатоса.

- Что происходит? - спросил Лакатос.

Эркет съезжился и вильнул прочь с дороги, пристроившись за плечом Лакатоса. Ему не хватило духа ответить на вопрос. Предводитель мог разобраться с незнакомцем.

Толпа, собравшаяся вокруг чужака, была многочисленной. Питейное заведение целиком заполнилось - похоже, там присутствовали практически все знакомые Эркета, но никто не был знаком с неизвестным. «Труба на дороге» вполне буквально таковой и являлась: секцией обрушившейся трубы, крышей которой служил настил из упавших обломков, так что в ней не было стен, только цельное внешнее кольцо, образованное самой трубой. Из-за огромной толпы, обступившей пришлого, небольшое круглое сооружение стало больше походить на арену, нежели на обычную распивочную.

Союз был тут в полном составе - дюжина кавдорских братьев Эркета, а также все пистолеты, заточки и удавки, какие они могли спрятать при себе. Эркет злобно улыбнулся из своего убежища позади Лакатоса. Теперь-то проклятый чужак получит.

- Что происходит? - повторил Лакатос и устремил свой взгляд прямо на Эркета. Тот все еще не совладал со своим испугом, и в конечном итоге ответ дал незнакомец.

- Похоже, у твоего друга проблема с человеком, который в бурю наслаждается «Бешеной змеей», - произнес неизвестный, даже не удосужившись встать с табурета или развернуться лицом к Лакатосу.

На несколько мгновений воцарилась тишина, а затем Лакатос уселся на табурет, недавно освобожденный Эркетом, и жестом велел подать еще две «Бешеных змеи». С точки зрения правил, даже кавдорцам было грешно здесь находиться, однако с учетом клаустрофобического ужаса, вызываемого воздействием пепельных бурь на разум, грех являлся практически лечением. Сжав обе бутылки в одной руке, бармен смахнул с них крышки лезвием ножа, после чего четко поставил их перед дюжим предводителем кавдорцев. Лакатос передал одну «Бешеную змею» незнакомцу, и сердце Эркета упало, раздираемое смесью разочарования и злости, а лицо выдало его полное недоумение. Почему пришелец не получает по заслугам?

- Я просто спросил, что у него за дело, - запротестовал сбитый с толку Эркет. Лакатос полностью его проигнорировал.

- Что ж, не обращай внимания на моего друга, - сказал он, не отрывая взгляда от незнакомца. - Для нас не проблема, что ты пьешь свою «Бешеную змею», Император нам всем судья, - добавил он, поспешив прикрыть порицанием собственные прегрешения.

- Что для нас проблема, так это твое лицо. Мы прежде его тут не встречали, - продолжил Лакатос и поднес стеклянную бутылку к губам в ожидании ответа.

Чужак повернулся к Лакатосу. На его лице все так же не было ни следа эмоций.

- Ну, вот ведь штука, твоего-то я и вовсе не видел, - сказал он, обращая внимание на черную кожаную маску, закрывавшую каждый дюйм лица кавдорца. Учитывая также темный балахон, плотные штаны и поношенные кожаные перчатки, на виду не оставалось ни пяди плоти Лакатоса. Он был совершенен, подумалось Эркету.

В другом баре подобная находчивость вызвала бы шумные аплодисменты, однако здесь она привела к чрезвычайно выжидающей тишине. Члены банды Союза подались поближе, а прочие посетители бара нервно глянули сперва в сторону незнакомца, а затем на дверь, торопливо отворачиваясь, если встречались глазами с ним, или же с собравшимися кавдорцами.

Молчание продержалось как раз столько, чтобы Лакатос успел прикончить свою «Бешеную змею» и вернуть бутылку на барную стойку с тихим лязгом, который положил начало крайне стремительной кутерьме.

Стоявшая кругом толпа распалась и пришла в хаос - двое из банды кавдорцев, Дюрн и Рубик, кинулись вперед и схватили пришельца за плечи. Тот мигом поднялся с табурета навстречу и уперся им в животы кулаками, словно собираясь вырваться из их рук. Прежде, чем он успел проделать нечто в этом роде, к его горлу оказался приставлен кинжал, которым размахивал третий набежавший бандит, Антал, а еще двое со своего места на краю толпы нацелили ему в голову автоматические пистолеты довольно ветхого вида.

Эркет ухмыльнулся. Вот это ему и хотелось увидеть.

Однако этот чужак был не глуп. Столкнувшись со столь подавляющим превосходством, он просто опустил обратно на табурет. Его плечи так и оставались в тисках хватки пары бугаев-кавдорцев, к

горлу был крепко прижат кинжал, а пистолеты продолжали целиться в него. Он не стал сопротивляться, когда двое членов банды сдернули с его плеч длинный драный плащ и сцепили ему руки за спиной.

Эркет был опьянен ликованием. Этот незнакомец дорого ему обошелся перед вышестоящими из Союза, и теперь тому предстояло за это поплатиться. Держась с заносчивостью, на которую способны только малолетки, Эркет выступил из-за спины Лакатоса, подошел прямо к неизвестному и одним взмахом руки сбил с его головы шляпу. Рассмеялся и со злобной улыбочкой придвинул свое лицо поближе к незнакомцу.

Только теперь он смог хорошо разглядеть того. Широкополая шляпа и длинный темный плащ прикрывали пришельца почти так же хорошо, как кавдорцев. Ранее Эркет ошибочно решил, будто он худой, долговязый. Человек действительно был высок, однако под обширным плащом скрывались широкие плечи и могучее тело. Сразу под челюстью из плоти выходили три одинаковые трубки, которые затем исчезали в уродливых шероховатых бионических разъемах на груди, и левый глаз также был бионическим. Усовершенствования, конечно, повидали виды, но это явно была хорошая работа, а не какая-то самодельная халтура из подулья.

Темно-охряная кожа незнакомца в сочетании с грубым, щетинистым лицом во многом маскировала копоть на теле, придавая ему скорее не грязный, а румяный вид. Все эти таинственные чужаки как будто обладали таким благословением: способностью носить неизбежную грязь и сажу подулья, словно тщательно сработанный служебный жетон. Губы и ноздри покрывал тонкий слой ядовитого серого пепла от бушевавших снаружи бурь, но по выходящим из горла пришельца трубкам Эркет предположил, что ему не слишком навредит и полный рот этой дряни.

Сильнее всего бросалось в глаза отсутствие у неизвестного какого-либо оружия на виду – явный признак того, что где-то на нем есть некое скрытое приспособление. Эркет сделал шаг вперед и, пока Дюрн с Рубиком крепко держали человека, начал обыскивать его. И действительно, на поясице был спрятан пистолет, который удерживала на месте одна из полудюжины волокнистых струн, крепивших к торсу вроде бы когда-то роскошный нагрудник.

Броня была сильно изношена, и у нее полностью отсутствовала правая сторона, а во многих других местах отдельные ее фрагменты висели под странными углами – свидетельство наспех проведенного самостоятельного ремонта. Тем не менее, она явно превосходила по качеству все, что Эркету доводилось видеть прежде. Стоявший позади Лакатос прищурился, разглядывая незнакомца с таким же любопытством, как и Эркет.

Эркет вытащил пистолет из тайника. Болт-пистолет – тяжеловесная машина, стреляющая разрывными снарядами. Опять-таки редкость, однако не что-то новое для Эркета. Он оглянулся на вожака и увидел болт-пистолеты самого Лакатоса, гордо выставленные напоказ в набедренных кобурах.

Эркет извлек магазин и осмотрел оружие. Похоже, оно было в идеальном состоянии. На обслуживание пары пистолетов Лакатоса уходило много средств и ресурсов Союза, так что поддержание даже одного болт-пистолета в рабочем виде являлось серьезным достижением со стороны чужака. Секунду Эркет прикидывал, не забрать ли этот экземпляр себе, но суровый взгляд Лакатоса заставил его передумать. Он передал болт-пистолет Лакатосу, после чего прошелся по множеству карманов, которыми были покрыты штаны незнакомца.

В карманах Эркет нашел мало интересного (даже никакого запасного искрящего грифеля, который бы наверняка объяснил ту проклятую горящую токсигарету), но обхлопывая руками ботинок пришельца,

едва не угодил по спрятанному кинжалу в кожаных ножнах. Он инстинктивно отдернул руку, когда рукоятка и три дюйма обнаженного клинка с характерным «шиш» выскочили из чехла. Довольный собой и своей находкой, Эркет взял нож за рукоять и резко выхватил его из укрытия, угрожающе помавав им перед лицом незнакомца, а затем разразился низким гоготом. Лакатос может забирать классный пистолет, подумал он. Этот кинжал вполне сойдет как память об уже скоро покойном чужаке, осмелившемся перейти ему дорогу. Эркет засунул нож за голенище собственного ботинка, встал и вернулся на свою наблюдательную позицию позади Лакатоса.

- Это не все, что при нем есть, - произнес Лакатос. - Бионический глаз вроде этого настраивается на прицел, а на пистолете его нет. Он что-то прячет.

Лакатос указал на бионический глаз незнакомца торцом рукояти пушки, которую Эркет ранее забрал у чужака. Он еще мгновение повзвешивал пистолет в руке, после чего заткнул его себе за пояс и шагнул вперед, к сидящему пришельцу. Дойдя до того, Лакатос одним мощным рывком отодрал рукава плаща незнакомца.

И впрямь, в хитрой сбруе на внутренней стороне предплечья человека размещался второй пистолет, всего лишь стаббер, но на нем действительно красовался лазерный прицел - несомненно как раз такой, который, по убеждению Лакатоса, должен был быть напрямую подключен к бионическому глазу. Эркет почувствовал, как триумф находки ускользает от него, и обругал себя за то, что не обыскал незнакомца более внимательно, хотя и был слишком глуп, чтобы злиться на собственную небрежность, а вместо этого проклинал пришельца.

Еще один член банды, Берзель, вышел из толпы и выдернул пистолет из обвязки, а затем неумело попытался снять ту с руки незнакомца. Он быстро бросил это дело, оставив полуразобранную сбрую висеть мешаниной жгутов, с которой, свидетельствуя о некомпетентности Берзеля, сыпались застезки, болты и пружины. Стук от их падения был единственным шумом в мертвенной тишине «Трубы».

Лакатос тем временем действовал дотошно. Он разложил плащ неизвестного на барной стойке и обыскивал его с тщательностью, от которой Эркет только сильнее злился на проклятого чужака, выставившего его таким посмешищем, да еще и перед его же бандой.

Поиски Лакатоса принесли плоды в виде нескольких кусков пергамента, хотя все они, похоже, не привлекли его внимания, и он небрежно бросил их грудой на стойку рядом с собой.

- Просто убейте его, - завопил Эркет. Он оказался единственным, кому хватило тупости кричать подобное, но было ясно видно, что большинство собравшихся кавдорцев думало практически так же.

- Нет, - сказал Лакатос, - спокойно прервавшись и обернувшись к Эркету. - У человека, рискнувшего выйти наружу в Сезон Пепла, должны быть на то весьма веские причины, или по-настоящему большая проблема, и я хочу знать, в чем дело.

Лакатос свирепо посмотрел на незнакомца, который опустил голову и устремил взгляд в пол, твердо храня молчание.

Верно, подумал Эркет. От ближайшего поселения было целых три дня пути через бури. Неделя от ближайшего поселения, находящегося не под контролем Кавдора. Каким образом чужак так долго продержался снаружи в одиночку, не поддавалось пониманию Эркета, хотя, в сущности, ему было все равно.

Лакатос продолжил обыскивать плащ, вытащив кинжал и вспарывая швы на накидке - чисто на тот

случай, если подкладка скрывала что-нибудь интересное.

А потом он остановился.

На секунду уставившись на кучу забракованных бумаг, Лакатос бросил куртку, протянул руку и смахнул с дороги три или четыре верхних пергамента. Схватил тот конкретный лист, что привлек его внимание. Кидая пергамент на стойку, Лакатос случайно уронил его в лужу мерзко пахнущей жидкости – возможно, той самой дряни, которую Эркет хитро расплескал из кружки ранее. Правая сторона листа промокла, и под растекшейся жидкостью обнаружилось нечто крайне неожиданное.

Снаружи пергамент выглядел всего лишь старым пропуском – простой выпиской, которой незнакомец пользовался когда-то в прошлом, чтобы без затруднений пересекать, в данном случае, территорию Орлоков. Однако поило выявило еще один слой, скрытый под текстом на поверхности, и именно за него-то и зацепился взгляд Лакатоса. Предводитель протасил пергамент по луже разлитой выпивки, промочив остальную его часть, чтобы написанное стало видно полностью.

Это была какая-то таблица – регистр, где в левом столбце было нацарапано нечто вроде опознавательных кодов, а рассыпанные по остальной странице колонки занимало множество галочек, крестиков и цифр.

Лакатос подхватил полупустую кружку Эркета, стоявшую на барной стойке, и малолетка облегченно выдохнул, когда лидер бесцеремонно вылил содержимое на всю грудку пергаментов. Выплеснув мерзкую дрянь, тот избавил Эркета от необходимости ее пить, и к тому же не пришлось позориться отказом.

Лакатос перелистал кучу, порвав немало мокрых пергаментов неаккуратной хваткой затянутых в кожу рук. Многие он отбросил в сторону, но еще на двух оказался такой же тайный слой, как и на первом. Один представлял собой очередной регистр, а второй принял вид сложной диаграммы, которую Эркет не смог разглядеть со своей неудачной наблюдательной позиции. Лакатос сгреб чудесные пергаменты в кулак и развернулся к незнакомцу.

Тот поднял взгляд. Здоровый глаз моргал чуть быстрее нормального, однако бионический оставался неподвижен, и пришелец не выказывал никаких иных признаков нервозности даже теперь, когда Лакатос явно наткнулся на его секретный груз.

- Что это такое? – спросил Лакатос, подходя вплотную к неизвестному.

- Не знаю, – произнес человек. – Я просто курьер.

Лакатос позволил себе слегка усмехнуться. Эркет прошел вперед и устроился сразу позади предводителя, выглядывая поверх его плеча. На сей раз он заговорил лишь шепотом:

- Давайте убьем его. Он нам не нужен. Готов поспорить, мы можем продать эти штуки за целое состояние. Ну же, босс, позвольте мне его прикончить.

- Я так не думаю, – сказал Лакатос. – У него навороченный болт-пистолет, но лазерный прицел стоит на мелком раздолбанном стаббере. Вот ведь штука какая, поставить прицел на побитое оружие, – продолжил он, начиная прохаживаться и описывать около все еще удерживаемого незнакомца один круг за другим.

- Даже будь ты просто курьером, люди вроде тебя стоят недешево. Они, должно быть, действительно важные, тебе не кажется? – Лакатос помахал пергаментами рядом с лицом неизвестного, пытаясь напугать того внезапным шумом сзади.

- Может и так. - Пришелец все еще сохранял самообладание. Он не позволял своим глазам блуждать и продолжал глядеть строго перед собой, даже когда Лакатос проходил у него за спиной.

- Но действительно важные для кого? Куда ты направлялся? - поинтересовался Лакатос. - Вот что меня беспокоит. Это место расположено не на пути куда-нибудь, а ты не похож на человека, заблудившегося в бурю. Ты не так прост, чужак, верно? - Устрашающая черная маска Лакатоса оказалась в дюйме от холодных и жестких глаз незнакомца. - Совсем не прост, я полагаю.

Лакатос выпрямился во весь рост и небрежно дернул пальцами перчатки, сделав жест в сторону Дюрна и Рубика, которые до сих пор стискивали руками плечи пришельца, будто готовящиеся к убийству прыгуны-потрошители. На секунду Эркет уверился, будто предводитель только что подал сигнал прикончить незнакомца, и довольно ощерился, хоть и был разочарован, что не смог сделать этого сам. А затем бурный гнев малолетки вновь взлетел до небес: он осознал, чего на самом деле хотел Лакатос.

Дюрн с Рубиком отпустили неизвестного и отступили назад. Чужак неторопливо поразмял плечи в суставах, разгоняя одеревенение после плена нескольких последних минут. Потом поднялся с табурета и встал перед Лакатосом.

- Знаете, что меня больше всего поражает? - задал Лакатос риторический вопрос. - То, что у человека есть основания или достаточно отчаяния, чтобы попытаться удачу среди пепельных бурь, еще не значит, что он выберется.

Незнакомец, казалось, обращал на Лакатоса мало внимания. Вместо этого его нога скользнула к лежавшей на полу шляпе. Он поддел ее кромку носком и резким движением подбросил вверх. Несколько кавдорцев дернулись. Пистолеты снова вскинулись, целясь в голову пришельца, кинжалы появились из ножен, а многие посетители бара нырнули в укрытие.

Но не Лакатос с неизвестным. Оба не двинулись с места. Кисть чужака метнулась к его боку, схватила шляпу за полу и одним движением накинута ее обратно на голову. Лакатос поднял руку и подал своей банде знак опустить оружие. Рискованный прием незнакомца не слишком потряс Лакатоса, но когда Эркет обвел взглядом помещение, стало очевидно, что только страх удерживал пальцы многих прочих бандитов на спусковых крючках.

- Что меня поражает, - доверительно произнес Лакатос, - так это что ты вообще сюда прибыл, что добрался сюда, особенно в ту пору, когда... ну... - Его голос стих. Он играл с аудиторией, будучи убежден, что распутал загадку этого пришельца. В конце концов, он продолжил.

- Эти бурные дни неприятны, - сказал Лакатос, и на его лице появилась ироничная улыбка. Остальные члены Союза переглянулись: наполовину ошеломленно, наполовину со страхом.

- Да, - отозвался незнакомец: без эмоций, но с намеком на вопрос. - Для странников в пути...

Эркет выругался и, сам того не осознавая, в ярости топнул ногой об пол. Он и в лучшие времена с трудом мог вспомнить пароль - о чем Лакатос ему часто напоминал - и вот теперь этот проклятый чужак. Откуда он мог знать пароль? Он не входил в их число, не мог входить. Эркет был уверен, что не мог.

Лакатос явно считал иначе. Эркет скривился, когда предводитель расплылся в широкой ухмылке, крепко хлопнул незнакомца по спине и, сердечно сжав второй рукой его кисть, повел из питейного заведения, словно друга, который уже много лет здесь не показывался. Берзель, Морден и прочие поспешили к пришельцу, суя тому обратно в руки его пистолет и драную кипу пергаментов, чтобы

поскорее успокоить. Многие похлопывали его по спине, как это сделал Лакатос, и радушно приветствовали, хотя несколько минут назад без раздумий перерезали бы глотку.

Эркет повернулся и сплюнул на пол, наблюдая за покидавшей распивочную шумной толпой, в центре которой находился неизвестный. Будь проклят этот незнакомец, подумал он. Будь проклят этот чужак.

Глава 2

- Да, для странников в пути, - произнес незнакомец, повторив тот же старинный код, который всего несколько часов назад подтвердил его лояльность и дал доступ в это священное место.

Услышав это подтверждение, прочие члены Союза захлопали и зашумели, радуясь, что в их ряды прибыл брат. Конечно, за исключением Эркета, который просто насутился в углу. Лакатос заметил его и мысленно поставил себе пометку позднее дать неблагодарному мальчишке какое-нибудь по-настоящему неприятное занятие.

- Братя, - сказал он, вставая со своего места на конце длинной пласкритовой плиты, служившей столом переговоров в этой плохо освещенной, плохо вентилируемой и вызывавшей клаустрофобию комнатухе, которую Союз именовал своим домом.

- Братя, представляю вам брата Юргена, - продолжил Лакатос, простерев руку в сторону человека слева от себя, уже успевшего подняться со стула.

Здесь находились все члены кавдорской банды, бывшие в «Трубе на дороге». Они сидели вокруг стола, не считая Эркета и еще двоих малолеток, вынужденных прятаться в тусклых альковах помещения. Помимо этих людей присутствовало еще с полдюжины других: давние члены Союза, отошедшие от бандитской жизни по возрасту и состоянию здоровья, хотя их положение в Союзе оставалось неизменно прочным.

Несмотря на все облегчение, которое Юрген, должно быть, испытывал от того, что обрел место среди друзей, он никоим образом не раскрывал свою тайну. Он не был кавдорцем - это Лакатос знал точно, поскольку долго расспрашивал незнакомца перед тем, как привести его в укрытие-святилище Союза. Нет, этого Юргена можно было назвать обращенным приверженцем дела. Больше насчет его прошлого Лакатос особо ничего не смог разобрать. Он был полон решимости со временем разузнать, что получится, но пока ему не хотелось напирать на вопрос до такой степени, которая бы оттолкнула новоприбывшего. Это может подождать, решил Лакатос. Юрген явно был крайне полезным человеком, и Лакатос хотел, не теряя времени, привести его к Союзу и найти применение его немалым талантам.

- Братя, - сказал Лакатос, возвращаясь на свое место. - Представляю вам чудо, созданное Юргеном.

Он бросил на длинный стол пергаменты. На сырых страницах до сих пор были видны скрытые регистры и диаграммы. Прочие члены Союза подались вперед к столу, небольшими группами собравшись вокруг бумаг и рьяно их изучая.

- Продолжай, Юрген, - произнес Лакатос. - Мы все здесь единодушны. Расскажи нашим братьям то же самое, что говорил мне.

Юрген склонился над столом и, широко разведя руки, начал объяснять в своей обычной невозмутимой манере:

- Эти таблицы - декларации... счета. Гильдейцы пользуются ими для уверенности, что нанятые работники ничего не воруют. Можно послать караван вместе со счетом, но тот, кого отправили в сопровождение, может просто украсть какой-нибудь товар, а потом изменить счет, чтобы казалось, будто этого там и не было.

- Поэтому гильдейцы дают работникам вот это, - продолжил Юрген, указывая на спрятанные регистры, обнаруженные Лакатосом на пергаменте. - Наемники думают, что это обычные пропуска, и потому по прибытии на место сдают их, никаких вопросов. Но, видите ли, покупателю на том конце известно про тайный счет. Он сверяет его со счетом в поставке, и если те не сходятся, ну... тогда он понимает, что кто-то пытается обчистить гильдейцев. Такие счета означают, что у вас не получится замести следы.

- А это? - поинтересовался пожилой кавдорец Хенгар, помахав третьим пергаментом, внутри которого находилась не поддающаяся расшифровке диаграмма, совсем не похожая на только что описанные Юргеном регистры. - Что это такое?

- Это для реально ценных вещей, - отозвался Юрген. - Для товаров, которые настолько дорогие, что гильдейцы посылают их в запертых ящиках. Чтобы открыть замок, нужен код, поэтому его переправляют вот в таком скрытом виде. Таким образом, даже если кто-то похитит поставку, он не сможет забраться в ящики. Я хочу сказать, эти штуки даже крак-бомбой не вскрыть. Требуется код, а они не будут знать, где его искать. На диаграмме изображен замок, а шифры указывают, в какое положение выставить циферблат, чтобы он открылся.

Хенгар откинулся на стуле и кивнул, явно впечатленный. Многие из остальных кавдорцев еще продолжали разглядывать пергаменты, но было очевидно, что необычные познания гостя увлекли их всех.

Юрген повернулся к Лакатосу и кивнул, показывая, что закончил. Лакатос мгновение пристально смотрел на него, а затем разразился смехом.

- О, друг Юрген, это же не совсем все, верно? - спросил он. - Мне кажется, ты пропустил самую волнующую часть истории.

Юрген беспокойно вздохнул. Он снова замыкался в себе. Ему не оставили иного выбора, кроме как дать пояснения насчет пергаментов, но казалось, что у него совершенно не прибавилось желания объясняться самому.

- Ну же, - сказал Лакатос, - расскажи нам всем, как прибыл сюда вверить себя нашей власти.

Юрген смущенно поерзал на сиденье. Он ссутулился, подался вперед и неохотно продолжил, понизив голос до уровня немногим громче шепота.

- У всех есть прошлое, - произнес он. - Милостью Императора его можно оставить позади, когда... скажем так, найдется причина, и я не вижу, чем кому-то из вас поможет знание о моем прошлом, а не просто о моем положении. Справедливо?

Юрген поднял глаза и обвел взглядом стол, поочередно высматривая реакцию каждого. Большинство кивнуло, прочие пожали плечами, однако никто не стал возражать на его просьбу. Пока что им было достаточно того, о чем незнакомец хотел сообщить.

- Вы когда-нибудь слышали историю Альдермана Грейма? - спросил Юрген, не дожидаясь ответа. - Грейм работал с металлом и камнем, как куртизанка работает с плотью. Он был гением, он мог создать

что угодно. Он создал все это место.

Несколько кавдорцев, запутавшись от такой справки, оглядели комнату.

- В смысле, улей. Альдерман Грейм построил Улей Примус, или, как минимум, сотня тысяч босяков построила его в точности так, как он велел. Конечно, большая часть улья была еще до Альдермана, но за свою жизнь он переделал настолько много, что теперь это его творение и ничье другое. Грейм оставил свой след. Он возвел Шпиль в его нынешнем виде - выше и изящнее, чем это было возможно, как говорили. Никто с тех пор не построил ничего более потрясающего, - заключил Юрген. По комнате разнеслось несколько вздохов неподдельного восхищения. Лакатос улыбнулся под маской, радуясь, что рассказ его нового подопечного настолько увлек остальных.

- А когда тот был закончен, - продолжил Юрген, - Хельмавр (тогда это был Садака Хельмавр) признал, что это и впрямь величайшее людское творение, и ничто и никогда не превзойдет его. Или, по крайней мере, Хельмавр решил, что ничто и никогда *не должно* его превзойти.

- И ничто ведь не превзошло, конечно? - озадаченно вмешался еще один член банды, Лирбус.

- Нет, и вряд ли вообще могло, - ответил Юрген. - Разве что, разумеется, Альдерман Грейм каким-то образом превзошел бы сам себя. Допустим, Грейм задумывал выстроить нечто еще лучше, не для Хельмавра, а для собственной семьи. Допустим, дом Грейм обошел бы в роскоши дом Хельмавр. Допустим, появился бы второй шпиль, еще выше и величественнее первого. И допустим, что на его вершине восседал бы Альдерман Грейм.

Последовал еще один пораженный вздох. Юрген двинулся дальше, повествуя с непринужденностью под стать тому самодовольству, которое вызывало у Лакатоса его находка:

- Этого Хельмавр страшился более всего, и поэтому, когда величайший труд Альдермана Грейма был завершен, Садака заточил его внутри: в Шпиле, который тот же и построил. В самих его стенах. Не столько заточил, сколько *похоронил*. Понимаете, Альдерман Грейм создал нечто такое, что Хельмавр не мог позволить превзойти или хотя бы повторить, и потому от Альдермана Грейма пришлось избавиться.

- Так вот, с этими хитрыми схемами, - произнес Юрген, указывая на пергаменты на столе, - я достиг почти того же. Создал нечто такое, что гильдейцы хотят навсегда оставить непонятным для всех, кроме них самих, и поэтому они решили: от меня необходимо избавиться.

Лакатос откинулся в кресле, сияя от гордости. Восхищение прочих членов Союза было физически ощутимо. Они уже приняли Юргена как брата, товарища по делу, и считали его человеком, который обладает знаниями или торгует подобными вещами. Возможно, считали его чрезвычайно хитрым вором, но им ни на миг не пришла в голову мысль, что он может быть создателем столь поразительных вещей, как привезенные им регистры.

- Это *ты* сделал? - не до конца поверив, переспросил Хенгар.

- Да, - сказал Юрген. - И могу сделать снова.

Лакатос разразился хохотом из-под маски. Через несколько мгновений комнату заполнила буйная какофония смеха и аплодисментов. Кавдорцы колотили ладонями по столу, а те, кто мог дотянуться до регистров, хватали их и триумфально махали ими в воздухе. Все собравшиеся осознали значимость этого незнакомца - этого Юргена - и секретов, которые он с собой привез, а также вполне осознали ту власть, что сулило им его прибытие.

Лакатос снова поднялся на ноги, и гул наконец-то стих. Пара глухих хлопков рук в перчатках заставила толпу умолкнуть, а Лакатос опять повернулся к Юргену.

- Итак, брат Юрген, ты говоришь, что *можешь* вновь создать такие чудеса. А создашь ли? - спросил он.

Комната замерла в томительной паузе, задыхаясь от безмолвного ожидания. Казалось, прошла вечность, и Юрген заговорил.

- Да, конечно, - произнес он. - С одним условием.

- Что угодно, - сказал Лакатос.

Размеренная поступь Лакатоса по ржавой металлической балке создавала ужасный шум. Пестрая коллекция металлических штырей и осколков стекла, которые он имел обыкновение вколачивать в подошвы ботинок, скрежетала о поверхность при ходьбе. Лакатос считал это подобающим - хором, что возвещает о его прибытии. И действительно, из тени прямо по курсу возникли две фигуры в плащах. Обе держали в одной руке по факелу и носили похожие ниспадающие кроваво-красные одеяния. Скрытые лица прятались под высокими коническими капюшонами, визуально сильно добавлявшими людям роста и угрожающего вида. Это были дьяконы, Искупители.

Один из них сжимал в свободной руке цепной меч. Оружие ожило, и его зубья с урчанием слегка дернулись, быстро превратившись в пугающее и рычащее размытое пятно - остроконечные звенья помчались по часовой стрелке вдоль рукоятки. Другой держал пистолет, очертания которого по большей части скрадывали длинные складки рукава, свисавшие с вытянутой руки. Только мерцающий синевой дежурный огонек на конце выдавал в оружии огнемёт. Лакатос понимал, что хоть он и остановился на середине балки, но вполне попадает в радиус досягаемости.

- Эти бурные дни неприятны, - окликнул он, попутно небрежным движением стягивая с левой кисти перчатку. Ответа не последовало.

Лакатос бросил перчатку на балку. Приземлившись у его ног, массивная кожаная рукавица выбила облачко пепла и сажи. Лакатос вытянул оголенную руку ладонью вверх и выжидающе посмотрел на двоих в плащах перед собой. Ответа все так же не было.

В конце концов, сперва раздалось низкое урчание, и кружащиеся зубья цепного меча остановились. Потом громко захлопали багряные одеяния, взметая еще больше мелкого пепла, покрывавшего все в это время года - дьякон справа вернул оружие на поясной подвес. Убрал цепной меч, его рука снова нырнула под нескладную рясу. Еще несколько секунд возни - и она появилась наружу, сжимая длинный почерневший железный прут с клеймом на конце, образующим очертания трехзубой короны.

Дьякон протянул клеймо к другому краю балки, где его собрат обдал прут пламенем, едва заметно коснувшись спуска огнемёта. Но даже так выброс рванулся к лицу Лакатоса, и тот почувствовал, как глаза болезненно пересыхают в палящем воздухе. Как раз когда он стал опасаться, что придется моргнуть, пламя погасло. Дьякон выставил руку с клеймом вперед, и Лакатос, как и полагалось, взялся за рукоятку. Перевернув прут, он ткнул им прямо в неприкрытую левую ладонь.

Когда-то он мог бы дернуться, но сейчас, пока клеймо выжигало на уже опаленной плоти все тот же старый рисунок, просто повторил свои слова.

- Эти бурные дни неприятны... - произнес Лакатос. Он вернул быстро остывающее клеймо одной из фигур в капюшонах и наконец-то получил ответ, которого ждал.

- Да, для странников в пути, - сказал дьякон слева, одновременно с этим отступая в сторону и приглашая следовать дальше. Второй быстро согнулся в полупоклоне, подхватил с земли перчатку Лакатоса и почтительно вручил ту ему, а затем тоже отступил и позволил пройти.

Лакатос уверенно зашагал вперед. Его плоть все еще была обжигающе горячей, и, натягивая перчатку, он почувствовал, как ее подкладка слегка вплавляется в кожу, однако не выказал боли. С конца балки он вышел на узкую рокритовую платформу, где стояли фигуры в рясах.

Быстро миновав их, Лакатос двинулся дальше. Стены вокруг него быстро сходились, так что через полдюжины шагов стало больше похоже, будто он идет не по высокой платформе, куда добрался столь рискованным путем, а по туннелю. Еще несколько футов - и платформа разошлась вширь, а потолок над головой стремительно взмыл вверх, образуя вертикальную стену следующего, более высокого купола, куда вышел Лакатос.

По ступеням в центре купола ходило где-то около дюжины человек, одетых так же, как и те, что при входе, и исполнявших разнообразные ритуалы и обязанности, которые Лакатос видел уже сто раз. Все они были мужчинами. Такие грязные существа, как женщины, не допускались в это святое место, ведь сумрачная арена являлась последним территориальным приобретением Власти Императора, культа Искупителей, руководившего всеми делами Лакатоса.

Никто из них не задавал ему вопросов - все были более чем уверены, что дьяконы на входе не пропустят кого не следует - и потому Лакатос беспрепятственно поднялся по ступеням. Вершину лестницы окружало кольцо факелов, каждый из которых был приделан к вбитому в пол колу, пронзавшему груды уродливых черепов мутантов, еретиков и ненормальных.

Лакатосу не доводилось бывать здесь прежде. Постоянный прозелитизм культа неизменно привлекал внимание тех немногих властей, что существовали так глубоко в подулье, и потому бедным, честным людям из Власти Императора приходилось вечно перемещаться с места на место, каждый раз создавая себе временное убежище, пока их не вынуждал мигрировать дальше пристальный интерес к их деятельности. Впрочем, нескончаемый исход никак не колебал веру членов культа. Это была всего лишь очередная тягота, которую надлежит претерпеть, дабы доказать свою верность Императору, а бесконечные преследования - очередным смертным грехом, за который неверующим предстояла кара.

Куда бы культ ни направился, везде он строил это импровизированное святилище в точности одинаковым образом. Лакатос, как и многие приспешники культа по всему улью, сразу же узнавал схему, хотя в последний раз видел ее очень далеко отсюда, в совершенно другом куполе. Он пошел вдоль внешнего кольца факелов и вскоре добрался до верха купола, где к стене стащили дюжину, а то и больше отколотых плит, листов металлолома и обрушившихся секций переходов, свалив их вместе, чтобы получилась хлипкого вида лачуга.

Лакатос пригнулся, входя в низкую дверь хибары. Он почувствовал, как постройка покачнулась, когда его широкие плечи коснулись двух листов пласта, выполнявших роль косяков, и протянул руку в перчатке, чтобы придержать их, пока все сооружение не обвалилось. Сделал еще два шага - не поднимая глаз, не глядя вперед - тщательно выверяя путь по череде накорябанных на полу меток, а затем упал на колени.

- Встань, Лакатос. Ты здесь желанный гость.

Эти слова прозвучали в ту же секунду, как колено Лакатоса ударилось о холодный каменный пол. Повелитель явно не хотел от него строгого соблюдения этикета. Это было хорошим знаком.

Поднимаясь, Лакатос окинул взглядом отметины на полу: выцарапанную прямо перед ним сплошную линию и тянувшиеся с обеих ее сторон секретные символы. «Предводитель, Предводитель Кавдора», – гласили те. Дальше оставалось еще три сочетания потаенных письмен, где каждое означало то место, куда могли пойти и преклонить колени перед повелителем люди, более достойные, чем он. Магистр, полный магистр, великий магистр – уровни, до которых, как сказал себе Лакатос, он однажды обязательно возвысится.

Лакатос распрямился во весь рост и, получив соизволение повелителя, миновал эти ритуальные позиции.

– Великий магистр Катафенги, – произнес он. – Хвала Императору, что я продолжаю служить ему. Хвала Императору, что я продолжаю служить вам. – Завершая хорошо отрепетированное приветствие, Лакатос слегка склонил голову.

На троне, слегка возвышавшемся над полом, восседал старик. Лакатос одернул себя. Он всегда считал, что Катафенги стар, хотя на самом деле никак не мог узнать, старик тот, или нет. Этот вопрос сильно беспокоил Лакатоса. Насколько старым нужно быть, чтобы добиться звания великого магистра? Сам Лакатос был уже не молод, уж во всяком случае по меркам подулья, и давно думал, что должно настать его время. Возможно, прибытие Катафенги знаменовало именно это.

– Ты хорошо ему служишь, – ответил Катафенги столь же формализованным отзывом. – Скажи мне, верный Лакатос, как там наше последнее приобретение?

– Хорошо. Очень хорошо, – сказал Лакатос. – Падучие Пески полностью наши, великий магистр. Они платят, сколько мы требуем, и помалкивают. Это было чрезвычайно выгодное приобретение.

– Славно, Лакатос, действительно славно, – произнес Катафенги. – Вот бы все наши братья были так же успешны в своих предприятиях, как ты.

– Стало быть, где-то не все хорошо, великий магистр? – нерешительно спросил Лакатос.

– Нет, – отозвался Катафенги. – Не все хорошо.

Лакатос ответил недоуменным вздохом.

– Гандомель мертв.

Лакатос мгновенно ошеломленно затих.

– Гандомель? – в конце концов, переспросил он. От удивления следующие слова сорвались с его губ, быстрее, чем ему хотелось бы. – Мертв? Кто?

Катафенги вздохнул и слегка осел на своем троне, словно сокрушенный этим вопросом.

– Враг, которого я не принимал в расчет, – ответил он, но после долгой паузы. – Человек, которого я не знаю. Человек по имени Лаго.

– Почему он убил Гандомеля? – спросил Лакатос. – Что ему от нас нужно?

– Вот это, – сказал Катафенги, – мне и хотелось бы знать. Гандомель всегда вел себя более чем

осмотрительно. Не могу представить, чтобы он оказался так неосторожен, что привлёк внимание дозора или гильдейцев. Гандомель железной рукой правил своей территорией десять лет. У него там нет естественных врагов. Могу лишь допустить, что этот Лаго то ли новый враг, то ли очень старинный.

- Один из других Домов? - рискнул предположить Лакатос.

- Может быть, хотя я скорее думаю, что в этом деле не замешан вообще никакой Дом. Похоже, он пришел только чтобы прикончить Гандомеля, а потом исчез без следа. Ничего не взял и не заявил притязаний на территорию. Его мотивы для убийства явно были личными, и это чрезвычайно меня тревожит.

Лакатос хорошо понимал, что он имеет в виду, и почему обеспокоен. Катафенги и его культ обладали огромным влиянием. Все банды Кавдора на большом расстоянии в любом направлении служили ему, как Лакатос и Союз. В то время, как открытые последователи культа могли привлекать нежелательное внимание и вечно оказываться объектом охоты властей, агенты по всему подулью действовали от их лица в десятка поселений, не вызывая столь неприятного интереса. Подобные Союзу банды правили всей доступной им территорией, извлекая прибыль не только на поддержание собственной власти, но и для финансирования более широкомасштабной деятельности культа.

Повинуясь желаниям своего повелителя, Лакатос управлял Падучими Песками - поселением, которое он и Союз за последние месяцы полностью поработили, всецело поставив робких обитателей под свое начало. Это хорошо окупалось.

Гандомель также был кавдорцем, равно как и лидер соседствующей банды Аддек, и каждый из них правил другим фрагментом владений культа. Территория Аддека - большая часть Пепельного Обрыва и Осевого Шипа - граничила с Падучими Песками, а Гандомель располагался дальше.

Союз и его аналоги представлял собой простые банды, ничем не отличавшиеся от других, однако поскольку буквально каждая группа кавдорцев в округе одинаково поклялась служить культу, их дела неизменно шли лучше, чем у разрозненных и неуживчивых бригад других Домов. Благодаря хорошей защите общих границ, прочие Дома были не слишком опасны для хорошо организованного Кавдора. Мало-помалу этот уголок подулья становился не чем иным, как единым царством, которым правил культ и его магистр, Катафенги. Любая угроза одной из составных частей являлась угрозой всему культу, и Лакатос вполне сознавал, что убийство Гандомеля знаменовало неприятности для них всех, и не в последнюю очередь - для его собственной территории, Падучих Песков.

- Вы хотите, чтобы я разобрался с этим Лаго, повелитель? - выжидательно поинтересовался он.

- Возможно, - произнес Катафенги. - Сперва я предпочел бы удостовериться в ситуации в Падучих Песках, Лакатос. Ты говоришь, дела идут хорошо, но что ты можешь мне показать?

Лакатос улыбнулся под маской. Он опустил руку к поясу и вытащил тяжелый кожаный кошель. Передав тот Катафенги, он проследил, как запястье старика просело под грузом находившихся внутри пятнадцати сотен кредитов - целого состояния. Явно впечатленный Катафенги взвесил мешок в руке.

- Что ж, - сказал он, - дела явно продвинулись *очень* хорошо. Возможно, ты понапрасну растрчиваешь себя в Падучих Песках, славный Лакатос.

Лакатос тут же поднял глаза. Все эти долгие годы он больше всего хотел услышать именно это.

- Повелитель, вы желаете, чтобы я послужил вам где-то в другом месте? - спросил он, проявляя рвение в

уверенности: его время пришло, и он наконец-то оставит позади низкие делишки бандитской жизни, по-настоящему вступив в культ в качестве магистра-искупителя. Нога нервозно заерзала по полу, елозя туда-сюда по второй из нацарапанных линий преклонения – той линии, которой он сейчас нетерпеливо добивался.

- Желал бы, – с нарочитой прохладцей сказал Катафенги, – однако не могу оставить Падучие Пески без лидера. Они слишком ценны, и я не стану делать ничего, что еще сильнее ослабит Аддека, коль скоро Гандомель и так уже мертв.

- Великий магистр Катафенги, – произнес Лакатос, демонстрируя формальностью обращения, как отчаянно ему это нужно. – Я займусь одновременно обоими этим вопросами, а затем присоединюсь вам, где потребуется.

- *Обоими* вопросами? – переспросил Катафенги.

- Да, повелитель. Обоими. И не стану откладывать, – сказал Лакатос. – Я отыщу убийцу Гандомеля и тут же найду достойного преемника для Союза. Того, кто обеспечит Падучим Пескам хорошую защиту, и того, кто будет ладить с Аддеком.

- Очень хорошо, – проговорил Катафенги. – Сделай это и по завершении возвращайся ко мне, *магистр* Лакатос.

От того, как он построил фразу, Лакатос возликовал.

Магистр. Магистр Искупления. Между ним и столь великолепным титулом лежало одно простое поручение. Всего одно, подумалось Лакатосу, ведь по вопросу преемника он был вполне уверен – судьба в этот же самый день дала ему идеального кандидата.

Вышагивая необычайно легко, Лакатос, пригнув голову, пробивался сквозь противостоявший ему бушующий пепельный шторм и заканчивал спускаться к подземному куполу Падучих Песков. Состояние куполов наверху было немногим лучше, однако за счет высоты их хотя бы не затрагивали эти проклятые бури.

Преодолев бессистемно разбросанные развалины и обнажившиеся фундаменты давно уже сгнивших стен, Лакатос приблизился к поселению, где, по крайней мере, можно было отчасти укрыться от завывающего урагана в лабиринте осыпающихся построек.

Поворачивая против ветра, он наконец-то вышел к месту, которое в Падучих Песках сходило за главную улицу, и быстро направился к «Трубе на дороге». Но не добрался до нее, а остановился немного поодаль, поскольку на дороге впереди ему предстала чрезвычайно любопытная картина. Там был Союз, и собралась толпа. Лакатос заметил фигуру в центре и улыбнулся про себя.

Похоже, Юрген создавал изрядный переполох.

Глава 3

- Вот это? – переспросил Берзель в полном ошеломлении.

- Да, это, - уже в третий раз сказал Юрген. - Уберите их всех отсюда.

Берзель покачал головой, все еще отказываясь поверить, но повиновался. Он повернулся к ближайшей девушке и положил руки в перчатках на ее изящные плечи, словно намереваясь оттащить прочь. Из-за происходящего казалось, будто Берзель туповат, и беспомощная попытка сдвинуть с места разъяренную девицу не принесла ему ничего, кроме пощечины. Девушка вырвалась из его хватки и, покачивая бедрами, отступила на несколько шагов к своим товаркам, затаившимся у стены.

Берзель шагнул вперед, будто собираясь снова ее сграбастать, и подал остальным колеблющимся бандитам знак последовать его примеру. Меж тем девица нагнулась, подхватила кусок щебня и швырнула тот прямо в него. Через мгновение все четыре оборванных женщины начали делать то же самое, закидывая сбитых с толку бандитов градом камней.

В середину этого хаоса вышел Лакатос, и Берзель вздрогнул, увидев, что предводитель вернулся. Юрген все это время спокойно стоял поодаль, прямо перед толпой озадаченных зевак, собравшейся на другой стороне улицы.

- Что происходит? - поинтересовался Лакатос.

- Юрген спятил. Он хочет, чтобы мы очистили это место, - сказал Берзель, тыча пальцем в сторону задания позади.

- Нужно место для работы, - произнес Юрген, предугадав следующий вопрос Лакатоса. - И ты сказал: «что угодно», - добавил он, напоминая о ранее данном обещании.

Лакатос секунду помедлил, а затем снова повернулся к Берзелю.

- Он прав, дайте ему, что он хочет, - сказал он. - Дайте ему все, что он захочет.

Берзель потрясенно запрокинул голову. Это была попросту самая нелепая вещь, какую его когда-либо просили сделать.

- Но... но... *бордель*? - недоверчиво запинаясь, спросил он.

Лакатос пожал плечами и зашагал дальше по улице, предоставив своей ошарашенной банде выселять разгневанных обитательниц строения, чтобы выделить Юргену столь странно выбранное им логово.

Берзелю надоела перепалка, и он опять схватил девушку, теперь уже крепче, чем прежде. На сей раз та даже не выпустила камень из руки, а с силой треснула им Берзеля в висок. Он скривился - скорее от злости, нежели от боли, поскольку даже существенная масса камня мало что добавила слабому удару девицы. Однако это было достаточно позорно, чтобы Берзель вышел из себя. Повалив девушку наземь, он завернул ей руки за спину и разом перетащил на другую сторону дороги, где и бросил субтильное тело в середину толпы зрителей.

Поданный Берзелем пример наконец-то убедил прочих бандитов, что это не просто какой-то странный розыгрыш, и они все вместе двинулись через пыльную улицу к остальным женщинам, стоявшим в дверях здания. Эти четверо были не настолько разъярены, как молодая девица, которая сейчас орала на Берзеля из толпы, но и они не сдались без боя.

Берзель посчитал, что коль скоро он единолично выгнал первую девушку, то имеет право ограничиться наблюдением за продолжавшейся свалкой. Он едва удержался от смеха при виде того, как Лирбус, Деверес и Морден дружно силились сдвинуть с места самую жирную из шлюх, и чуть животики не

надорвал, когда неуклюжая куча-мала опрокинулась, и Лирбус оказался зажат в положении, которое можно было бы счесть смертным грехом.

В конце концов, остальные бандиты потащили недовольных проституток прочь от здания, и Берзель подошел к Юргену и повел того мимо потасовки внутрь вновь освобожденного строения.

- Идеально, - произнес Юрген, когда они вдвоем вошли в самое высокое из пригодных к использованию помещений трехэтажного здания. Выше располагался еще один этаж, но он был без крыши, и на нем никто не жил. Сколько-то уровней находилось и внизу - возможно, десятки - но за сотни лет бушующие штормы образовали там настолько глубокие наносы, что эта часть дома фактически сгнула, утонув в пепле. В сущности, «улицы» Падучих Песков были не более чем верхним слоем этих пепельных отложений, утрамбованных перемещениями тех, кому не повезло тут обитать. С каждым проходящим годом они приподнимались по мере того, как бури набрасывали на поселение все больше переносимой ими копоти, и со временем - хотя, наверное, и не раньше, чем через несколько веков - даже той комнате, где сейчас стояли Берзель с Юргеном, предстояло в конечном итоге оказаться задушенной и заваленной все теми же нагромождениями пепла. Просто таков был порядок вещей. Как гласила старая поговорка, улей растет вверх, всегда вверх, а его жители всегда падают вниз. Скапливающиеся вокруг кучи пепла, каким бы постепенным ни был их подъем, не являлись исключением.

Берзель окинул взглядом помещение. Оно было голым: прочие члены Союза уже выбросили скудную меблировку на улицу, рассчитывая, что владельцы, возможно, отправятся следом без сопротивления. Так не вышло, и при мысли об этом у Берзеля возникла уверенность, будто он до сих пор слышит светопреставление на улице внизу.

- Ты мог бы выбрать место, где проще спрятаться, - сказал Берзель, все еще раздраженный решением новоприбывшего.

- Необходимо было это, - ответил Юрген. - Оно нужной формы и обращено в нужную сторону. Видишь? - он указал на ряд неподвижных лопастных вентиляторов, встроенных в стену. - Это именно то, что мне требуется. Понимаешь, должна быть правильная атмосфера, правильная вентиляция, чтобы пергаменты вышли как надо.

Берзель был далеко не убежден, но не видел особого смысла пререкаться, коль скоро дело уже сделали. Юрген, похоже, понравился Лакатосу, а Берзеля уж точно впечатлили увиденные им искусно сработанные пергаменты. Он был готов пока что дать гостю шанс, пусть даже это означало участие в, несомненно, самой унижительной сцене за все его пребывание в Союзе.

- Давайте занесем припасы, а потом я смогу взяться за дело, - произнес Юрген, и разум Берзеля мигом вернулся к насущному вопросу.

- Он захотел, чтобы мы ушли, - сказал Берзель. - Говорил, что будет работать в темноте, а я не видел особого смысла сидеть там, будто слепой гриб.

На самом деле, с того момента, как Берзель покинул Юргена по просьбе того, чтобы чужак смог начать трудиться над своими шедеврами, миновало уже несколько часов. Однако Берзель решил, что лучше не упоминать, насколько давно это случилось - в особенности потому, что большую часть прошедшего времени он провел в «Трубе на дороге» вместе с Девересом. Впрочем, Лакатос спросил у него только о

том, почему он оставил Юргена, а не когда.

- Справедливо, - удивительно прозаично ответил Лакатос. - У тебя и остальных в любом случае еще уйма дел.

Берзель обвел комнату взглядом. Судя по всему, прочие были точно так же разочарованы, что еще есть работа, и им точно так же, как и ему, не хотелось ее делать. Лирбуса, похоже, до сих пор действительно мучала ощутимая боль в спине, и Берзель задался вопросом, как долго тот пробыл придавленным к дороге.

Берзель следовал маршруту автоматически. Его уже сто раз посылали на такое задание: навестить Годдлсби и собрать налоги. Однако определенно творилось еще что-то.

Выкинув эти мысли из головы, Берзель потащился по узкой служебной шахте, которая являлась кратчайшим путем к хибаре мэра Годдлсби. Он выбрался на узкий выступ и распахнул круглую гермодверь, отделявшую Годдлсби от внешнего мира. Берзель уже давно перестал стучать, когда приходил к мэру, а мелкому мерзавцу хватало ума никогда не запирается от Союза.

Зайдя внутрь, Берзель не удивился, обнаружив, что одна из обитательниц борделя - в сущности, именно та особенно пышная, которая едва не раздавила Лирбуса - явно обосновалась в «апартаментах» Годдлсби, как тот именовал грязную маленькую нору. Берзель же был убежден, что это старый сточный бак.

- Надеюсь, ты за это платишь не из наших денег, - произнес Берзель, сопровождая свой вход изрядным шумом. Его внезапное появление явно удивило Годдлсби, и тот чуть не опрокинулся со стула. Впрочем, подумалось Берзелю, у него и так наверняка было плохо с устойчивостью при столь малых габаритах и такой крупной ноше на колене.

Годдлсби вскочил на ноги, женщина же ответила только крайне профессиональным хмурым взглядом.

- Н-нет, сэр. Нет, господин Берзель... Не из ваших денег, нет. - Годдлсби мигом пришел в смятение. Он боялся Берзеля, боялся Союза и совершенно не пытался этого скрыть.

Мэр тут же метнулся через комнату к дырке в стене, где прятал все «налоги», которые Союз обязал его собирать от их имени. Годдлсби схватил мешок с кредитами, после чего оказался вынужден остановиться и начать возиться на четвереньках, подбирая все деньги, что рассыпались по полу в результате его нервной криворукости. Кое-как собравшись, Годдлсби хотя бы в достаточной мере восстановил равновесие, чтобы встать, и торопливо вручил раздувшийся кошель Берзелю.

Моргая глазами в бешеном темпе, мэр ждал, когда Берзель избавит его от мешка вместе с содержимым того. Он практически хотел, чтобы кавдорец забрал кредиты и ушел, однако Берзель заставил его попотеть. Бандит с блаженной неспешностью взял кошель из протянутой руки Годдлсби, после чего еще медленнее прошелся по комнате, выбирая место, где бы пересчитать добычу. В итоге он остановился на столе Годдлсби, хотя было еще две-три плоских поверхности ближе и удобнее. Берзель прошел мимо полной женщины, задев ее, хотя в этом не было никакой реальной нужды, кроме как чтобы максимально взволновать Годдлсби, и уселся в шаткое старое кресло мэра.

Широко махнув рукой в перчатке, он снес с неприбранного стола все нагромождение документов, уронив дела коротышки на пол. Еще одно касание ладони очистило поверхность от пыли, и Берзель

наконец-то вывалил на стол содержимое мешка.

Пересчитывание кредитов заняло у Берзеля целую хорошо выверенную вечность – он сперва складывал их кучками по пять, затем пересчитывал эти кучки, а затем начал сначала, когда ему показалось, будто итог, наспех нацарапанный им на поверхности стола, не сошелся с лежавшей перед ним суммой. Все это время Годдлсби потел, а его дешевая спутница все это время хмурилась.

В конце концов, Берзель поднял глаза от сложенных кредитов.

- Не хватает, – произнес он.

Лицо Годдлсби мгновенно побелело, и в ответ он смог лишь испуганно сглотнуть. Мэр повалился на колени и пополз по полу. Берзель подумал было, что тот удирает, пока коротышка не добрался до дыры в стене, где хранились кредиты, и не принялся исступленно рыться в завалах вокруг нее. И действительно, в трещине в полу застрял один кредит. Годдлсби выхватил его из убежища и с облегченным вздохом вскочил на ноги.

- Должно быть, пропустил его, – сказал он, передавая грязный металлический жетон Берзелю.

- В смысле *серьезно* не хватает, – отозвался тот.

Годдлсби снова сглотнул.

Берзель спокойно пригоршнями переложил кредиты обратно в мешок. Последним он зловеще уронил внутрь того одинокого беглеца, которого Годдлсби только что подобрал с пола. Дав тому угрожающе брякнуть при падении, кавдорец вышел из-за стола и зашагал через комнату к трясущемуся от страха Годдлсби. Берзель вытащил свой нож и приставил его к дрожащей щеке мэра.

- Не хватает, но сдастся мне, твои глаза как раз покроют недостачу, – произнес он.

Годдлсби издал взволнованный писк и отпрянул прочь, но рука Берзеля сомкнулась у него на горле.

- Это... это... не я... – залопотал Годдлсби, наконец-то набравшись мужества, чтобы заговорить. Берзель ничего не сказал, но медленно разжал хватку на его шее и, посмеиваясь, отвернулся.

- А кто же тогда? А? Кто это, она? – Берзель ткнул кинжалом в направлении крупной дамы в углу, которая продолжала глядеть так хмуро, как только могла. Кавдорец повел клинком, и Годдлсби страшно затрясся, испугавшись, что настал его черед, но наконец-то нашел в себе смелость ответить.

- Я... я... – только и выдавил он. Женщина дала ему секунду, однако было очевидно, что Годдлсби явно не из тех мужчин, кто станет защищать честь дамы, так что она взорвалась в приступе ярости.

- Ах ты мелкая жаба! – заорала она, устремившись через комнату. – Я ни к одному клятому кредиту даже не притронулась, и тебе об этом известно!

Годдлсби заелозил в руке Берзеля, не зная, что опаснее – коренастый бандит-кавдорец, или же летящая на него разгневанная женщина.

- Боже, боже, – забормотал мэр, а затем разразился отчаянными стенаниями. – Я не знаю, что случилось! Просто не знаю! Там не может не хватать, просто не может!

- Я знаю, коротышка, я знаю. В то же время через месяц, – произнес Берзель, отпуская человечка. Они оба отлично знали, что каждый кредит на месте, но сопляк не сумел заставить себя поклясться в этом,

когда Берзель начал хамить. Невольно продолжая посмеиваться про себя, кавдорец выбрался наружу из неопрятной берлоги мэра и направился обратно к логову Союза. Он жил ради таких моментов – когда заставлял слабаков вроде Годдлсби бояться за свою жизнь, вне зависимости от того, были ли на то веские основания, или нет. Кроме того, подход Берзеля и в сравнение не шел с тем, что Годдлсби мог ожидать от женщины, которую только что фактически обвинил в краже. Берзель снова усмехнулся при мысли о том, что Годдлсби устроят взбучку – что того отлупит смертным боем именно эта шлюха.

- Полностью, – произнес Берзель. – А ты чего ожидал? Этот мелкий червяк Годдлсби был до того напуган, что буквально умолял меня их у него забрать. Все тут, до последнего креда, как и всегда, Лакатос. Ты же знаешь, что мне можно доверять.

Ухмыльнувшись, Берзель грохнул на стол разбухший мешок с кредитами.

Лакатос ничего не сказал. Он задержал на мешке взгляд, а затем махнул рукой в перчатке и опрокинул его, так что кредиты полетели на другой конец стола, где Эркет беспокойно игрался со своим оружием.

- Пересчитай, – велел Лакатос Эркету. – Половину доли каждому, а остальное поделить два к одному, ясно?

Обиженно усмехнувшись, Эркет сгреб в горсть металлические жетоны и начал складывать их горкой перед собой. Берзель не знал точно, хотел ли Лакатос посредством пересчета кассы убедиться, что все на месте, или же просто разделить ее на доли. Он-то знал, что там все до единого кредита – лично считал – но все равно изрядно нервничал всякий раз, когда возвращался к Лакатосу с добычей.

Следуя за вожакотом от стола, Берзель целенаправленно опрокинул первые полдюжины кучек, которые Эркет успел отсчитать перед собой. Тот скривился и, судя по виду, был готов вскочить на ноги и ударить бандита. Однако в него тут же впился взгляд Лакатоса, и малолетка явно передумал и вместо этого просто вернулся к подсчету кредитов, про себя проклиная Берзеля.

Лакатос опустился на корточки у огня, горевшего в углу комнаты, и Берзель поступил так же. Пламя находилось внутри конструкции, которая, должно быть, когда-то представляла собой трубу, тянущуюся во всю высоту здания. Теперь же она была обломана где-то на уровне метра от пола, образуя идеальное место для импровизированной кухонной плиты. Заставленная всем горючим мусором, какой могли отыскать бандиты, она являлась единственным источником огня в доме, хотя кое-какое дополнительное тепло еще давали испарения, каждый день в одни и те же три часа струившиеся в юго-восточном углу, а плесень на потолке добавляла освещения своим жутковатым зеленым флуоресцированием.

На глазах Берзеля Лакатос выхватил из огня гигантскую крысу, насаженную на ржавый металлический штырь и обжаренную до хрустящей корочки. Он аккуратно провел ножом по ее брюху. Второй, третий надрез – и он разделил крысу ровно надвое, перекинув половину Берзелю. Тот стал нервно покусывать ее под разговор.

- Лакатос, твой друг Юрген выбрал себе очень странное убежище, – произнес Берзель, до сих пор выбитый из колеи утренними событиями. Однако он был полон решимости прощупать намерения предводителя и потому подошел к вопросу окольным путем.

- Да, – сказал Лакатос, – это так, но у него есть крайне необычные таланты, которые я не хочу терять впустую. Давайте ему, что он хочет, Берзель, чего бы он ни захотел.

- Хорошо, - отозвался Берзель, которого все больше смущал этот чужак и вера Лакатоса в него.

- К тому же, - добавил Лакатос, - уж *мне-то* точно не больно видеть, что это мелкое логово греха вычищено.

Берзель беспокойно поежился, пытаясь найти ответ, который бы не показался ни излишней защитой, ни чрезмерным протестом. Тем не менее, он без труда избежал неловкости благодаря появлению Мордена.

- Морден, - произнес Лакатос, когда тот вошел в ближайшую к Эркету дверь. - Заходи.

Морден ожидаемо тоже смахнул тщательно пересчитанные кучки Эркета, и Берзель облегченно выдохнул. Шансы на то, что кассу и впрямь учтут, быстро снижались, поскольку Эркет разъярялся и терял концентрацию. Каждый раз происходило одно и то же. Берзель пересчитывал сумму при сборе, однако никогда не доверял самому себе настолько, чтобы быть уверенным, что не допустил где-то ошибку, а ошибок, как он хорошо знал, Лакатос просто не выносил. Впрочем, неважно. Теперь это уже будет ошибка Эркета.

Морден подошел к двум старшим товарищам по банде и тоже присел перед огнем. Берзель напоследок подцепил с тушки крысы лакомый кусочек, а затем кинул остальное - не меньше половины от того, что получил сам - Мордену. Он слишком долго состоял в Союзе, чтобы ждать указания поделиться с братьями. Пусть Лакатос и был суровым господином, но он вел себя и справедливо, не допуская жадности.

- Ты посылал за мной, Лакатос? - спросил Морден.

- Да, - ответил предводитель. - Есть работа, и ее много.

Лакатос поднял голову и посмотрел мимо двух других бандитов.

- Эркет! - заорал он. - Ты уже отсчитал все доли?

Эркет что-то пробормотал себе под нос, а затем отозвался:

- Да, господин. Все тут.

Берзель усмехнулся про себя. Эркет был столь же предсказуем, сколь и труслив. Он сильнее боялся заставлять Лакатоса ждать, нежели ошибиться при учете денег, и потому просто свалил кредиты в кучи, не подсчитав их.

- А остальное? - спросил Лакатос.

- Две трети и треть, вот они, - сказал Эркет.

- Принеси их мне, - велел Лакатос, протягивая руку таким жестом, словно он ожидал, что Эркет и так уже предугадал его требование. Малолетка научится, подумалось Берзелю, но, видимо, на горьком опыте.

Эркет метнулся через комнату к Лакатосу, выставив перед собой сжатые кулаки. В левой руке комфортно поместилась одна треть, правой же он с трудом пытался не дать довольно громоздким двумя третям выскользнуть из его хватки. Само собой, как минимум пара - а весьма вероятно, что и четыре-пять - кредитов выпали на бегу.

Было очевидно, что Лакатос хмурится под маской. Он нетерпеливо протянул руку, выхватил у Эркета

треть кредитов, ловко закинул их в мешок, который достал из кармана, и так же быстро убрал его обратно.

Эркет в отчаянии огляделся в поисках какого-нибудь места, куда можно было бы сгрузить две трети, которые ему становилось все сложнее удерживать. Помрачнев, Лакатос ткнул большим пальцем в Мордена, и тот обеими ладонями принял кредиты у не справлявшегося малолетки. Бандит притянул деньги к себе, прижав их к животу, а затем аккуратно ссыпал на колени. Оттуда он спокойно переложил их в кошель, снятый с ремня на поясе.

- Отвезешь их Аддеку, ясно? - сказал Лакатос. Берзелю показалось, что Мордена накрыло разочарованием: его плечи поникли, а голова опустилась.

- В бури, Лакатос? - недоверчиво спросил Морден.

- Да, в бури, - сердито ответил Лакатос. - Это необходимо сделать.

Морден вздохнул, и Берзель ощутил толику сочувствия к нему. Никто и никогда не отваживался уходить наружу в бури. То, о чем просил Лакатос, было ужасно. И все же лучше уж он, чем я, подумал Берзель и счел это очередным подтверждением того, что творятся большие дела, хотя его особо не требовалось в этом убеждать. Он уже и так уверился. Пускай и не было ничего нового в том, чтобы отправить его собирать долги с горожан, рассуждал Берзель, но раз Лакатос отправляет Мордена из поселения - причем посреди Сезона Пепла - значит, определенно что-то происходит: что-то крупное. Он терялся в догадках относительно мотивов предводителя и внимательно слушал, надеясь на их прояснение.

- Доставь кредиты к Аддеку и спроси, что ему известно о человеке по имени Лаго, понял?

Морден просто кивнул.

- Хорошо, - произнес Лакатос. Он мгновение пристально глядел на Мордена, пока до того не дошло, что выдвигаться нужно сию же секунду. Его плечи как будто осели еще ниже, а потом он поднялся и направился к двери, явно не ликуя от предстоящего путешествия.

- Лаго? - переспросил Берзель.

- Неважно, - отозвался Лакатос. - По крайней мере, не должно быть.

Сказав это, он поднял глаза. Берзель проследил за его взглядом. К ним успел присоединиться Юрген, при этом не создавший достаточно шума, чтобы выдать себя. Берзель слегка испугался, но сдержал судорожный вздох, уже подступивший к губам под плотной кожей маски.

- Юрген, - произнес Лакатос. - Славно. Они у тебя?

- Да, - ответил Юрген, запустив руку в карман и достав оттуда несколько флаконов с чернильно-черной жидкостью. Лакатос указал ножом на Мордена, уже двинувшегося было к двери, и Юрген передал склянки бандиту. Тот, похоже, не был уверен, что с ними делать.

- Не переживай, Морден, Юрген тебе все объяснит, - сказал Лакатос, после чего повернулся к Берзелю.

- Ступай, Берзель. Твоя работа на сегодня закончена.

Кивнув, Берзель покинул комнату, остановившись лишь для того, чтобы мимоходом подхватить со стола свою скромную долю кредитов. Бесспорно, его заинтересовали флаконы, но он точно был не настолько глуп, чтобы спрашивать - уж явно не когда Лакатос велел ему уходить. Он и так уже испытал удачу,

задав вопрос при упоминании Лаго, и Лакатосу явно совсем не хотелось отвечать. Как он решил, все и так прояснится довольно скоро.

Глава 4

Запрокинув голову и слегка наклонившись, Морден прошагал под широким переходом и наконец-то вышел туда, где воздух был почище. После трех дней напряженного путешествия сквозь штормы передышка казалась блаженством.

Территория Аддека располагалась значительно ниже уровня Падучих Песков, однако, благодаря счастливому выверту судьбы, ее совсем не так терзали сезонные пепельные бури. Внешние пределы каждый год подвергались примерно такому же натиску, но брошенные промышленные купола в центре особо не страдали.

Когда-то эта область образовывала легкие улья: в ней размещались тысячи модулей рециркуляции и обеззараживания. Их громадные трубы, словно артерии, уходили ввысь по внешней стороне улья, возвращая лучшую часть воздуха в лучшие области наверху. Системы уже давно перестали работать, и даже те зоны, которые они когда-то очищали, теперь уже были покинуты или поглощены разросшимся городом-ульем, но архитектура этого места до сих пор приносила обитателям определенные блага.

Выведенные из эксплуатации сифоны, воздуховоды и конвекционные камеры возвышались на сотни метров над куполом, формируя самый мощный приток воздуха, какой только можно было найти в подулье. Внизу древние туннели уходили глубоко в недра скалы, создавая цикличное движение газа и воздуха по всему куполу, так что атмосфера, по большей части, могла отражать бушующие снаружи пепельные штормы.

Переход, под которым прошел Морден, раньше был мостом из тех, которые обычно встречаются над каналами для жидкостей в насыщенных промышленностью районах Города Улья. Мост явно бросили в спешке, и с одного края переправа осталась частично поднятой, так что любого переходящего в конце ждал прыжок. Впрочем, идти по нему уже не было нужды, поскольку канал давным-давно пересох, и Морден попросту прогулялся по пласкритовой траншее, а из нее зашел в узкие газоотделительные трубы, которые этот поток когда-то питал.

По ту сторону труб пепла не было, и Морден сделал глубокий вдох. Долгожданная роскошь после трех дней, что он продвигался через купола, до такой степени изъеденные штормами, что они как будто буквально держались на пепле. Это было неслыханное путешествие, и Морден до сих пор крайне слабо представлял, зачем было посылать его настолько срочно. Он мог и погибнуть, а его гордыня требовала чертовски веской причины для подобной жертвы.

Впрочем, подумалось Мордену, чужак одолел эти бури всего несколькими днями ранее. Возможно, Лакатос знал, что они еще не настолько свирепы, чтобы быть смертельными. Или, возможно, ему было все равно.

Чужак, Юрген. Морден сунул руку в карман и коснулся пальцами тех флаконов, которые ему вручил Юрген. Он уже практически успел позабыть, что они при нем, и облегченно выдохнул, обнаружив их в целости. С виду они едва ли казались достойной причиной для столь опасного странствия, однако именно такой причиной и являлись, а их ценность была обманчива.

Морден вышел из труб и оказался на площади – обнажившемся полу здания, более не благословленного наличием стен – где разносчики и уличные торгаши наседали на проходящую толпу. Сейчас было удачное время для сбыта. Пепельные штормы отрезали поселение от внешнего мира. В такую погоду не заглядывали даже гильдейцы, поэтому те, у кого было, что продать – сколь угодно нелегальное или возмутительно переоцененное – в это время года неизменно находили покупателя.

Несмотря на все диковинные товары, стоило Мордену выйти в переполненный двор, как на него тут же устремились каждая пара глаз. Он был из Кавдора, и в таких городках это само по себе придавало ему определенный ореол страха, но также и загадочности. Черная кожа перчаток и маски, равно как и насыщенная синева облачения напоминали наряд Аддека и его людей, однако не полностью совпадали с ним, и из-за этих едва заметных отличий Морден приводил своей внешностью в большее замешательство, чем то, которое мог бы вызвать совсем неизвестный человек.

На ходу бандит окидывал взглядом толпу, играя на страхах людей и позволяя им от глупости беспокоиться совсем немного больше, чем было строго необходимо. В конечном итоге он пересек площадь и скрылся из виду за окружавшими ее разрушенными стенами.

Морден не бывал в Осевом Шипе уже целых четыре года и слабо помнил его. Раньше он твердо считал, что как минимум знает путь к обителицу Аддека, однако за время петляния в руинах за площадью его уверенность поубавилась.

Впрочем, метка банды, нацарапанная на стене впереди, узнавалась сразу же. Эмблема в виде пылающего черепа принадлежала Аддеку, а корона на его челе служила отсылкой к Катафенги и культу в целом. Однако когда Морден видел этот знак в прошлый раз, тот отмечал личное убежище Аддека. Сейчас же, при новой встрече, он оказался просто на осыпающейся каменной стене, за которой находился бездонный провал, а по бокам – еще две осыпавшихся стены.

Тем не менее, Морден был уверен: место верное. Кое-как порывшись в камнях на краю кратера, он нашел лишь горстку стреляных гильз и с удовлетворением понял, что здание разрушилось из-за несчастного случая или же течения времени, а не чего-либо более зловещего. В подулье упадок был в порядке вещей.

Он мог только предположить, что Аддек давно покинул эти края и укрылся где-то еще на своей территории, но слабо представлял, где именно. Поскольку он только что прошествовал мимо обитателей города, словно мстительный демон из бездны, Морден решил не возвращаться за указаниями, а обождать.

Бандит привалился к стене и позволил себе немного передохнуть после напряженного продиранья сквозь бури. Если он чего и добился своим появлением, так это создал достаточную суету, чтобы кто-нибудь стал его разыскивать, так что он просто счел лучшим вариантом дать себя найти.

- Брат, – раздался голос.

- Брат, – повторил он, и на сей раз Мордена энергично потрясли за плечо.

Морден медленно открыл глаза, при этом слегка закашлявшись – спасибо пеплу, явно осевшему в легких после бегства от штормов. Он нетвердо поднял взгляд, и тот уперся ровно в лицо собрата-кавдорца.

- Эти бурные дни неприятны, – произнес кавдорец.

- Да, - сказал Морден, приняв протянутую руку и неспешно поднимаясь, - для странников в пути.

Второй кавдорец поставил его на ноги и в знак приветствия крепко хлопнул по спине.

- Уместно, тебе не кажется? - спросил Морден, однако его ирония, похоже, напрочь прошла мимо человека. Тот носил длинное черное одеяние, где цвет присутствовал лишь на капюшоне: темный почти до черноты коричневый. Впрочем, его перчатки и маска были посветлее - из насыщенно-бежевой кожи. Один из людей Аддека.

- Что привело тебя сюда, брат?.. - поинтересовался кавдорец.

- Морден, - отозвался бандит. Он не был уверен, спрашивают ли его о мотивах, или же о личности, и потому сам ответил на оба вопроса. - Я должен поговорить с Аддеком. У меня вести от Лакатоса.

- Славно, - произнес кавдорец. - Идем со мной.

Даже сидя, Аддек был высоким, хотя и заметно более худощавым, чем окружавшие его массивные охранники. Свой рост он подчеркивал, выбрав полное облачение вместо плаща со штанами, которые предпочитали большинство кавдорцев. У него же накидка с капюшоном покрывала длинное одеяние из трех слоев, ступенями ниспадавших к земле. Верхний наряд был синего цвета и распахнут спереди, но плотная черная ряса под ним полностью закрывала Аддека и спускалась настолько низко, что волочилась по полу при движении. Рукава также были гораздо просторнее, чем реально требовалось, и вместе все это создавало весьма зловещий вид. Если бы Морден когда-то не служил Аддеку, то вполне мог бы занервничать, войдя в тускло освещенную комнату.

Впрочем, Аддек был рад новой встрече со стариком. Морден верно работал на него и на самом деле вовсе не хотел уходить, хотя и понимал необходимость этого. У Власти Императора были устремления, и эти устремления вверили судьбу Падучих Песков в руки амбициозного, но все же неопытного вожака по имени Лакатос. Тогда было решено, что закаленный заместитель вроде Мордена принесет юноше такую пользу, какую попросту не сможет принести Аддеку.

Все это было абсолютно здраво, и Морден по доброй воле отправился помочь молодому Лакатосу, как того пожелал Катафенги. Однако сердцем он всегда испытывал дискомфорт от того, что сменил банду таким образом. Пускай все они и служили одному господину, но верность есть верность, и в глубине души Морден до сих пор считал себя одним из людей Аддека. Он лишь надеялся, что и у Аддека на его счет схожие мысли.

- Приветствую, старый друг, - произнес он, подняв руки и приближаясь к сидящему в углу Аддеку.

Тот просто кивнул в ответ, но эта холодная торжественность не смутила Мордена. Аддекс всегда был чрезвычайно сдержан и к тому же сильно постарел с момента их последней встречи. Спокойной отстраненности следовало ожидать.

- С какими ты новостями, брат Морден? - спросил Аддек. Морден отвязал с пояса кошель, висевший там последние три дня, и вручил ему.

- По просьбе Лакатоса, Аддек. Он считает, они вполне могут тебе понадобиться, - сказал он.

- Возможно, - произнес Аддек. - Возможно.

- Также я с вопросом, брат Аддек, - добавил Морден.

- С вопросом о Лаго?

- Именно с ним, - сказал Морден. - Скажи, что тебе известно?

- Он убил Гандомеля, вот и все, что я знаю. Впрочем, подозреваю, Лакатос тоже об этом уже в курсе, и именно поэтому спросил.

Морден не ответил. Он понятия не имел, что Гандомель мертв, хотя ему и хватило ума не выказать неосведомленности перед Аддеком. У него была надежда, что молчание сподвигнет Аддека на дальнейшие откровения, но таковых не последовало.

- Где я могу найти этого Лаго? - поинтересовался Морден.

Аддек лишь пожал плечами.

- Я даже не знаю, кто он такой, не говоря уж о том, где его искать, - сказал он, явно чувствуя, что Мордену до сих пор было мало что известно об этом деле.

- А кто знает? - уточнил Морден. - Кто видел убийство? Люди Гандомеля? Может быть, кто-то из твоих?

- Нет. Никто этого не видел, - произнес Аддек. - Никто не видел *его*.

- Что? - переспросил Морден, от изумления вдруг выдав свое неведение.

- Гандомель был глупцом. Он не проявлял достаточной осторожности и поплатился за это. Никто не мог прийти к нему на помощь, или хотя бы увидеть его смерть, - сказал Аддек.

Морден был уверен, что Аддек говорит загадками не сознательно, однако тот изъяснялся в типичной для своего возраста манере, и смысл его слов зачастую оставался неясен для более молодых ушей.

- Откуда же ты знаешь, что это сделал Лаго? - задал Морден вопрос, который очевидно напрашивался следующим, но Аддек, похоже, не хотел на него отвечать без подталкивания.

- Его имя было написано на пепле, оставшемся от Гандомеля, - ответил тот.

Пепле? Порыв спросить Аддека, что же произошло с Гандомелем, был практически неодолимым, однако Морден подавил его. Он не сомневался, что в любом случае пожалеет о своем вопросе, если и впрямь выяснит, как же Гандомель встретил столь мрачный конец.

- Лакатос захочет большего, - произнес Морден, пытаясь избежать прямых расспросов.

- Тогда, видимо, - ответил Аддек, - ему придется разузнать это самостоятельно. Я не знаю, кто этот Лаго, как не знаю и чего он хотел от Гандомеля, однако мне известно, что Гандомель не был мудрейшим из нас. Уверен, он сам навлек на себя погибель. И не так уж уверен, что нам есть нужда беспокоиться об этом Лаго, коль скоро тот уже забрал его скальп.

- Но, возможно... - нерешительно начал Морден. - В смысле, другая банда?..

- Да, - сказал Аддек. - Мне кажется, эта угроза может быть серьезнее. Раз Гандомеля больше нет, наши враги вполне способны попытаться удачу, но мы всегда бились с другими бандами и продолжим так делать. И при том делать эффективнее, если не станем отвлекаться на этого Лаго.

- Уверен, ты прав, мудрый Аддек, - произнес Морден.

- Эти кредиты, - отозвался тот, встряхнув врученный ему Морденом мешок, - сильно помогут банде Гандомеля пережить эти тяжкие дни. Я лично вооружу их и позабочусь, чтобы они нашли подходящего преемника. Будь бдителен, брат Морден, но не тревожься. Это территория Кавдора. У тебя все?

- Не совсем, - сказал Морден и полез в карман. Он подошел к Аддеку и извлек флаконы только тогда, когда оказался настолько близко к старику, чтобы их увидел он один. Вещество выглядело странно. Свет проходил сквозь флаконы под причудливыми углами, и цвет жидкости как будто менялся, темнея к краям, где ей следовало бы быть наиболее светлой. Аддек взгляделся в склянки с расстояния вытянутой руки, но глаза у него явно были уже не те, что прежде, поэтому Морден передал ему одну для более внимательного осмотра.

Голос бандита упал до шепота.

- Сейчас переломные времена, Аддек, и Лакатос хочет, чтобы мы не рисковали, ведя дела, - произнес Морден, практически повторяя то, что сказал ему Лакатос перед тем, как отправил сюда. - Нам нужно использовать для посланий новую систему, секретную: о ней должны знать только Лакатос, я и ты.

Он не посчитал особо необходимым упоминать Юргена, хотя система принадлежала тому, а флаконы в руках у Мордена являлись плодами работы чужака.

Бандит отдал склянки Аддеку.

- Пиши этими и только этими чернилами, - сказал он, - и пиши на обрывках, на чем-то таком, что может оказаться у любого. Написав сообщение, подожди час, и оно исчезнет. Не волнуйся, просто вели своим людям доставить послание к нам, и мы проявим его. Если же ты получишь от нас такие странные листки, то вот что надо сделать.

Морден снова залез в карман и достал сложенный пергамент, одно из ранних творений Юргена, которое ему дали в качестве примера. Аддек потер документ между большим пальцем и остальными, словно ожидая, что тот раскроется и раскроет свои тайны. Этого не произошло. Лист просто смялся, порвался и обвис у него в руках.

- Это просто пергамент, - произнес Аддек.

Морден извлек из-под одежды фляжку, разбрызгал по пергаменту несколько капель воды и растер ее по поверхности рукой в перчатке, пока весь документ не покрылся пленкой жидкости. Он передал лист Аддеку, и тот тут же увидел хитроумно скрытое послание.

- Впечатляет, - проговорил Аддек. - Ясно. Это останется тщательно охраняемым секретом. Теперь ступай.

Морден кивнул, при этом слегка склонившись, так что его колено на кратчайший миг коснулось пола, а затем повернулся и вышел из комнаты. Он ни разу не прощался с Аддеком, даже когда покидал ряды его людей, и не собирался делать этого сейчас. Старик был мудр, и Морден не сомневался, что они еще увидятся.

Нужно было возвращаться к Лакатосу с новостями, не теряя времени, однако Морден счел форменным безумием так быстро рисковать повторной вылазкой в пепельные штормы. Ночь в подулье ничем не

отличалась от дня, а несколько часов передышки не слишком бы его задержали. Так он и оказался сидящим в Часовне, как именовали свое убежище молодые члены банды Аддека.

Морден не знал практически никого из них. Большинство были слишком юными, чтобы помнить его. Те немногие бандиты, кто выжил со времен Мордена, в массе своей поднялись до такого уровня, что прислуживали Аддеку в его покоях на другом конце купола. Разделение убежищ являлось своеобразной причудой главаря, о которой Морден почти что успел позабыть. Тем не менее, он был рад, что сможет отдохнуть в безопасности, более не обременяя старика.

Один из малолеток подошел к Мордену, протягивая миску с грибным супом. Морден взял ее обеими руками и поставил себе на колени. Достал из миски ржавую ложку и отложил в сторону. Фокус с грибным супом заключался в том, чтобы пить его быстро, пока он не стал слишком горячим из-за пенящихся химических реакций в вареве. Для этого Морден обхватил миску ладонями и поспешно осушил. Поставив пустую посуду на землю перед собой, он посмотрел на другой конец комнаты и увидел, что двое куда менее ловких бандитов скривились от боли: испускаемые грибами яды вступили друг с другом в реакцию и обожгли им языки.

В дверном проеме возникла фигура, но черты ее лица были скрыты от Мордена густой тенью. Заметив этого человека, малолетка подбежал к нему и предложил миску того же самого ядерного варева, однако пришелец махнул рукой в знак отказа. Возможно, это был еще один юноша, которого смутил вид обжегшихся неумелых друзей.

Однако, когда человек приблизился, Морден увидел на нем более широкую маску опытного члена банды, а просматривавшаяся часть лица была сильно потрепана. Шрам на подбородке, уже совсем заживший, указывал на многие годы бандитской жизни.

Шрам на подбородке... Диран, сообразил Морден, вздрогнув. Это Диран пришел его повидать. Морден вскочил на ноги и схватил человека за руку.

- Здравствуй, старый друг, - отозвался Диран на приветствие Мордена. - Я разминулся с тобой у старика.

- Я там недолго пробыл, - сказал Морден. - Похоже, он мало что мог мне рассказать.

Диран нахмурился и жестом предложил Мордену снова сесть на потертые каменные ступени в глубине Часовни. Откинув свой плащ в сторону, он устроился рядом.

- Возможно, - произнес он, и в его голосе определенно ощущалось беспокойство, - но я боюсь, разрыв между тем, что старик знает, и тем, в чем он готов самому себе признаться, становится все больше.

- Что? - перепросил Морден.

- Он слишком легко отмахивается от разговоров об опасностях просто потому, что устал с ними разбираться, - сказал Диран, которого не потребовалось особо подталкивать. - Угроза от Лаго вполне реальна, но Аддек слеп к ней.

- Кто такой этот Лаго? - поинтересовался Морден.

- Никто на самом деле не знает, это точно, - произнес Диран. - Охотник за наградой, почти наверняка. Похоже, он действовал в одиночку и хотел крови одного лишь Гандомеля. Не могу представить, чтобы другая банда вела себя настолько разборчиво.

- Значит, Гандомель сам навлек на себя неприятности и поплатился за это? - уточнил Морден.
 - Может быть, но если за него объявили награду, то почему же этот Лаго так ее и не забрал?
 - Откуда ты знаешь, что не забрал?
 - Забрать награду? За кучу пепла? Гильдейцы обычно просят доказательств малость повесомее, - ответил Диран. Он был прав.
 - Полагаю, он мог бы унести голову или руки, - продолжил кавдорец, - но я и впрямь не думаю, что это была просто охота за наградой.
- От слов Дирана Морден с трудом сглотнул. Ему не нравилось услышанное, и еще меньше нравился тот факт, что об этом не рассказал Аддек. Доклад Лакатосу обещал быть непростым.
- Кто-то хотел смерти Гандомеля и нанял этого Лаго, - сказал Диран.
 - Тогда ничего не меняется, - отозвался Морден, слегка успокоившись. - Гандомель создал проблемы и поплатился. Да, это были не гильдейцы и не совсем награда, но кто-то пожелал его смерти, и теперь он мертв. Лаго ушел, сделав свою работу, верно?
 - Будь дело просто в награде, я бы еще мог поверить, но кто и зачем пожелал смерти Гандомеля? - произнес Диран. - Не зная этого, кто может сказать, что будет дальше? Кто может сказать, что Лаго ушел?
 - Ты пугаешь меня, Диран. Как по-твоему, почему Гандомеля убили? Что скажешь? - спросил Морден.
 - Я не уверен, старый друг, правда не уверен, - ответил Диран. - Но два дня назад я был у людей Гандомеля, и там не все в порядке. У него не было явного преемника, и Вильгейм с Койном уже вцепились друг другу в глотку.
 - Катафенги не потерпят борьбы за лидерство, - сказал Морден.
 - Не вижу, как он сможет это остановить, - заметил Диран. - Если выбрать одного из них, это оттолкнет тех, кто верен второму. И что тогда? Убить их? И еще сильнее разобщить наши ряды? Нет, нет, все это очень скверно. Мы столкнулись с раздором, Морден, и я невольно задаюсь вопросом, не этого ли хотел Лаго.
 - Не понимаю, - произнес Морден.
 - Ну, давай предположим, что он работает на другую банду.
 - На пять куполов отсюда едва ли найдется другая банда, - отозвался Морден. Он был прав. Союз кавдорцев практически искоренил конкуренцию.
 - Верно, - проговорил Диран, почесывая шрам на подбородке, - но есть множество тех, кто помнит, что мы с ними сделали. Множество тех, кто скрылся и осел где-то еще. Кто может утверждать, что одна из таких банд не вернулась, а этот Лаго не с ними?
 - Они бы напали на нас всей бандой. Разграбили бы территорию Гандомеля, - сказал Морден.
 - Да, да, может ты и прав, - ответил Диран, вставая со ступеней, - и все же меня беспокоит, что мы закрываем глаза на серьезную угрозу.

- Если ты так обеспокоен, то почему Аддек - нет? - спросил Морден.

- Аддек стар, - произнес Диран почти что сердито. - Будь он где-то в другом месте, давно бы уже ушел из этой жизни. Не человеку его возраста управлять бандой в этой вонючей дыре, - добавил он с явным расстройством. Как-никак, Аддек приходился ему отцом.

- Но мы ведь не просто банды, так? И заключенные нами соглашения не допускают возвращения в город, - продолжил он. - Он провел всю свою жизнь, служа Катафенги. Дом теперь не примет его назад. Они уже не смогут его принять. На нас смотрит слишком много глаз из Города-улья. Мы не должны позволить им увидеть, что наш великий старый Дом якшается с Искуплением.

Морден неверяще уставился на Дирана. Злость того звучала опасно близко к чемук-то такому, о чем ему даже задумываться не хотелось.

- Не пойми меня неправильно, старый друг, я так же верен, как и ты, - произнес Диран, - но в верхних кругах боятся Искупления и не станут иметь дела ни с ним, ни с его агентами. Пусть то, что мы, Кавдор, служим Искуплению - раскрытый секрет, но все-таки секрет, и так все и должно оставаться. Если выйдет иначе, это погубит наш Дом.

- Итак, мой отец должен окончить свои дни здесь. В свой черед это ждет всех нас. Возможно, столь долгая жизнь вообще проклятие для него и уже утомила. Он предпочитает не замечать опасность, поскольку у него уже нет сил сражаться с ней, и я боюсь, что именно потому он столь небрежно говорит о Лаго и Гандомеле.

- Морден, если пожелаешь, внимай словам моего отца, но не считай их исчерпывающими. Обещаешь мне это?

Морден безропотно кивнул, и Диран ушел. Пепельные бури вдруг показались куда более заманчивой перспективой.

Штормы были не такими яростными, как опасался Морден. Временами он даже видел остатки собственных следов. При более суровой погоде они бы исчезли за считанные часы. Он хорошо продвигался, и всего за два дня пути оказался недалеко от Падучих Песков, однако боялся туда приходить.

Диран был его старейшим другом, но явно изменился со временем, и Морден не знал точно, как понимать зловещие предсказания. Кроме того, он полностью доверял суждениям Аддека и чрезвычайно приободрился от его внешнего спокойствия, однако Мордена сильно беспокоил вопрос, какую часть этой истории передать Лакатосу.

Он прогнал мысли из головы, вместо них сосредоточившись на насущном деле: как сориентироваться в пепельной буре, не заблудившись напрочь.

От порывистых ветров многие из наиболее глубоких наносов сместились к востоку, и там, где при выходе Мордену приходилось без конца тащиться через высокие дюны, обратный путь оказался ровнее - по своеобразной временной ложине между огромных валов пепла.

Единственный недостаток подобной близости к земле заключался в сильной затрудненности обзора во всех направлениях. В других местах это не составляло такой проблемы, поскольку была видна низкая

крыша купола, и Морден следовал за ее постепенным подъемом в направлении центра. Теперь же, вблизи от Падучих Песков – которые сами по себе располагались в середине купола – крышу полностью скрывали бушующие наверху ветры, насыщенные пеплом, и бандит уже не мог быть до конца уверен, в какую сторону движется.

Морден периодически взбирался на дюны с обеих сторон, высматривая неподалеку ориентиры, которые можно было бы действительно разглядеть. Два или три таких подъема оказались безрезультатными, и четвертый казался столь же неутешительным. Морден прошел какое-то расстояние по гребню дюны, хотя это было ужасно трудно, поскольку подобные откосы состояли исключительно из самого мягкого, наименее слежавшегося пепла, и при каждом шаге он проваливался по колено.

Никакого ориентира так и не показалось, но кое-что нашлось. У подножия дюны, с противоположного края от места восхождения Мордена, тянулась вторая широкая и плоская низина вроде той, по которой он плелся раньше. В остальных случаях земля с обеих сторон просто уходила в море дюн, и Морден надеялся, что наличие второй такой ложины может означать близость дома. Решив сделать эту вторую низину своим новым маршрутом, он сполз вниз по склону и побрел дальше по ней.

Прошел где-то час-другой, прежде чем Морден обнаружил следы, уходившие от него по этому временному каналу. Они принадлежали не ему, как он поначалу подумал, поскольку отпечатки ботинок не совпадали. Единственным человеком, кого он еще мог представить снаружи в штормы, был Юрген. Возможно, этим путем Юрген изначально и пришел в Падучие Пески.

Морден ускорил шаг, прибодрившись от того, что даже если он еще и не был рядом с Падучими Песками, то хотя бы шел верным путем. Он внимательно осмотрел след и с радостью увидел, что тот без перерывов тянулся на существенное расстояние. Ветер в этой траншее тоже казался не таким кусачим, словно его сдерживали необычно высокие дюны, сформировавшиеся по обе стороны, и Морден обнаружил, что идти стало гораздо легче.

По прошествии еще нескольких сотен метров шаги сократились. Ноги ставились все ближе и ближе друг к другу, словно их обладатель быстро уставал. Вскоре они уже буквально накладывались друг на друга: эти отпечатки оставил человек, который двигался заплетающейся походкой. Затем Морден с крайней досадой осознал, что следы полностью пропали.

Он замер на месте, озираясь вокруг. До этого он продолжал периодически подниматься на дюны и искать ориентиры. Возможно, Юрген поступил так же, нарушив свой след. Морден сделал несколько осторожных шагов вперед, но отпечатки не появились вновь. Он повернулся и начал карабкаться на дюну справа. Любые следы здесь быстро бы пропали, но если именно здесь Юрген сошел с тропы, то Морден хотя бы мог заметить Падучие Пески.

Дюна была высокой, и ноги проваливались при каждом шаге. Он еле-еле одолел половину пути наверх, когда передняя нога подвела, и кавдорец завалился на бок, съехав обратно по склону на несколько метров. Морден выругался, но он не пострадал и быстро встал. Бандит посмотрел на дюну, и в этот момент его взгляду предстало нечто ужасное.

Там, где он упал, пепел сполз и съехал вниз по дюне, так что на откосе осталась большая пустая борозда. В этой борозде Морден увидел тело: мертвое, безжизненное тело. Должно быть, он налетел на него при подъеме и из-за этого и поскользнулся.

Взбравшись к телу, он вытащил его из-под тонкого покрова пепла, остававшегося сверху. Тонкие хлопья, летавшие туда-сюда на воющих ветрах, успели вьестись в труп, источив самую плоть, и в

большинстве мест кожа представляла собой просто множество крошечных ранок, из-за чего тело превратилось в жуткое освежеванное и окровавленное месиво. Кое-где дело обстояло не так плохо – вероятно, эти части зарылись глубже всего и пострадали в наименьшей степени – но от лица остались одни лохмотья, и лишь крепкое телосложение выдавало в человеке мужчину.

Распахнув толстую черную куртку, надетую на мертвеце, Морден с немалым удивлением обнаружил на нем броню. Умело – пусть и неприметно – сработанный противоосколочный жилет закрывал грудь и руки до локтя. Похлопав по ногам, Морден удостоверился, что эта же защита шла и по верх бедер. Весьма полезный костюм.

Морден принялся обыскивать тело, ища подсказки, кто бы это мог быть. Человек хорошо снарядился, и в его карманах было полно боеприпасов, а также еще несколько предметов экипировки вроде кошек, бинокля и токс-детектора. Все это, конечно, никак не помогло их владельцу.

Шаря под курткой, Морден достал оттуда комок бумаг. Сильный ветер, пронесившийся по верх крутой дюны, вырвал верхние листы у него из рук, прежде чем он успел их прочесть, так что Морден мудро повернулся к буре спиной, держа документы в защищенной области между собой и трупом. Бандит не нашел ничего, позволявшего опознать человека, но когда он развернул самый большой из кусков пергамента, то ахнул от изумления.

Это был плакат о розыске, из тех, что выпускают только гильдейцы, и с центра листа на Мордена глядело лицо некоего Юргена Дюкотта – чужака Юргена, с которым его познакомили всего несколько дней назад. Морден и так знал, что Юргена разыскивают, однако все равно был потрясен: во-первых, тем, как близко подобрались охотники за наградой, а во-вторых, тем, что, согласно плакату, Юрген находился в розыске не за побег от гильдейцев, а за подделку документов. Что-то здесь было не так.

Веревка врезалась в тело Мордена: рубаша опять выбилась и задралась на животе. Он неуклюже затолкал ткань обратно за ремень, стараясь избежать контакта туго натянутой грубой веревки с кожей. Это едва ли было достойное завершение путешествия, но Морден даже под угрозой проклятия не собирался нести вонючий труп на себе до самого городка. В таком же варианте мягкий пепел создавал мало сопротивления, и тело, будто сани, скользило позади бандита на конце обмотанной вокруг пояса веревки.

Впереди поднялись две огромные колонны – на самом деле, осыпавшееся здание с уцелевшим карнизом – и пройдя под ними, он вновь оказался в Падучих Песках. Все-таки он точно прошел не маршрутом Юргена, однако мертвец хотя бы следовал верным путем, пусть и запоздало, так что Морден без особого труда отыскал поселение, продолжив двигаться в том же направлении.

Возвращение чрезвычайно его ободрило, и заботы о том, что именно рассказывать Лакатосу, пропали из головы. После находки тела человека, погибшего в шторм, Мордену, разумеется, оказалось легко сосредоточиться на собственном благополучии. Только сейчас он снова начал тревожиться, какие же новости сообщить. Как бы то ни было, обсудить требовалось далеко не одного Гандомеля.

Он еще не успел углубиться в поселение, когда впереди появились Эркет и Лирбус. Морден заслонял собой тело, однако необычно большие облака пепла, взметавшиеся позади него, а также странная походка явно привлекли их внимание, и оба заторопились по улице навстречу.

- Ты вернулся с подарком, – насмешливо произнес Лирбус.

- Да, - отозвался Морден, - и вы можете нести его остаток этой фрагнутой дороги.

С этими словами он отрезал веревку от пояса и зашагал вперед. Лирбус с Эркетом поглядели на тело, потом на Мордена, а потом друг на друга.

Эркет свалил тело с плеча и уронил на стол. Лирбус вызвался «открывать двери» на коротком отрезке пути до пристанища банды. Вокруг стола уже собрались Лакатос, Морден и остальные, но отсутствовал Юрген, все еще поглощенный своими необычными шифрами. Этому обстоятельству Морден был неимоверно рад.

Лакатос посмотрел на тело, приложив к лицу одну руку в перчатке и держа указательный палец поперек рта. Он ничего не сказал, а просто кивнул головой, предлагая Мордену объясниться.

- Он был снаружи в пустошах, уже мертвый, но понятия не имею, как давно. Он мог пробыть там несколько недель, или же пепел так над ним поработал за считанные часы. Впрочем, следы были еще свежими, так что, наверное, недолго, - сказал Морден.

- Кто он? - поинтересовался Лакатос.

- По нему никак не скажешь, - отозвался Морден, - разве что...

Он бросил на грудь мертвеца плакат о розыске. Лакатос и большинство прочих подались поближе. Секунду, потребовавшуюся им, чтобы распознать лицо, стояла тишина, а затем раздался пораженный вздох собравшихся кавдорцев. Лакатос поднял голову, задумчиво уставившись в потолок, и отошел от стола. Он принялся прохаживаться вокруг, но ничего не говорил.

- Он лжец, - взвизгнул Эркет. - Проклятый чужак обманщик.

Похоже, он был готов исходить ядом и дальше, но быстрый шлепок по затылку заставил мелкого надоедливую малолетку умолкнуть. Морден не знал точно, кто нанес удар, но определенно посчитал это мудрым решением. Он пододвинулся поближе к Эркету на тот случай, если понадобится дополнительная взбучка. Обсуждение требовалось держать в узде, и Морден не собирался допускать чтобы из-за затаенной обиды Эркета ситуация вышла из-под контроля.

Деверес отступил от стола и побрел к двери, где расхаживал Лакатос. Остальные двинулись за ним, собравшись неплотной толпой у того края стола, на котором находились ноги трупа.

- Что скажешь об этом, босс? - спросил Деверес.

Подняв взгляд, Лакатос нахмурился.

- Не уверен... - проговорил он и замолк, снова начав вышагивать. - Это может подождать. Морден, расскажи мне о Лаго.

Морден кашлянул.

- Я спросил у Аддека, и...

Его голос стих, а взгляд, как и у каждой пары глаз в комнате, переместился и сфокусировался на фигуре, которая только что появилась в дверях. Это был Юрген.

- Лаго? - переспросил тот, еще не успев заметить вокруг себя необычно внимательную толпу. - Ты сказал: «Лаго»? Что происходит?

Морден твердо положил руку на плечо Эркета, практически придерживая его за шею на тот случай, если малолетку посещали опрометчивые идеи завладеть моментом. В комнате стояла абсолютная тишина, а Лакатос повернулся к Юргену.

- Лаго? - произнес он. - Кто такой Лаго? Что ты знаешь о нем?

- Он... - похоже, Юрген впервые слегка нервничал. - Он охотник за наградой, которого гильдейцы послали за мной. Они пытались убить меня в Пещерах Удачи, но я спасся, поэтому они отправили его. Он почти нагнал меня в Мертвецкой Дыре месяц назад. Тогда-то я и пустился в бега и оказался тут.

- Лаго послали за *тобой*? - спросил Лакатос, сделав акцент, понятный Мордену, но мало что значивший для Юргена и прочих.

- Да, - сказал Юрген, нервничая еще сильнее, - и он не остановится, пока не доберется до меня. Он психопат. Занимается этим не ради награды. Он считает себя кем-то вроде святого, посланного достать всех грешникова. Не остановится, пока меня не убьет. Что происходит? Почему вы говорите о Лаго?

Лакатос поднял левую руку в перчатке и шелкнул пальцами. На миг последовала сумятица, а затем через толпу протолкался Морден с плакатом о розыске, который он передал Лакатосу. Эркет тревожил его в наименьшей степени, поэтому бандит отошел в сторону и встал между Юргеном и дверью - чисто для надежности.

Оставаясь таким же спокойным, как и всегда, Лакатос вручил плакат Юргену. Тот мгновение помедлил, всматриваясь в лист. При чтении его губы не шевелились, так что по меркам подулья он был умелым чтецом, подумалось Мордену.

- Да, будь я проклят, - произнес Юрген наконец. - Где вы это взяли?

- Это правда? - поинтересовался Лакатос.

- Правда ли, что я в розыске? - уточнил Юрген. - Ты же знаешь, что да. Потому я сюда и прибыл: чтобы убраться подальше от гильдейцев.

- Правда ли, - сказал Лакатос, - что ты поддельщик?

- Смотрите, - отозвался все еще взволнованный Юрген, - гильдейцы ведь не могут написать: «Разыскивается: Юрген Дюкотт за то, что написал для нас не поддающийся взлому код», верно же? Стоит им такое сделать, как они себя выдадут, и всем станет известно про код. Пусть люди и не будут знать, где он спрятан и как работает, но они будут знать о его существовании. Ну, так где вы это взяли? И что за разговоры про Лаго? Это он вам дал?

Лакатос отступил на шаг назад. Он отвел руку вбок, указывая на стол, и толпа бандитов-кавдорцев вмиг расступилась, так что стало видно тело. Юрген пораженно прищурился, после чего подошел к столу и провел по трупу руками.

- Мы нашли плакат у него, Юрген. Он был вот у этого мертвого парня, - сказал Морден.

- О нет, - проговорил Юрген, вглядываясь в глаза мертвеца. - Этот человек работает на Лаго.

Глава 5

- Это один из них? - спросил Катафенги, склонившись над телом, которое бесцеремонно уронили на каменный пол. - Ты достаточно уверен?

- Достаточно, - сказал Лакатос. - Когда мы его нашли, у него в кармане было имя и изображение Гандомеля. Он погиб в шторм, между территорией Гандомеля и моей.

- Хм, - произнес Катафенги. - Насколько я понимал, при убийстве Гандомеля этот Лаго действовал в одиночку.

Он вернулся к своему трону и сел, придя в еще большую озадаченность.

- Да, Лаго убил Гандомеля в одиночку, - ответил Лакатос, - но похоже, он не всегда работает один.

Катафенги слегка наклонил голову.

- Что ему от нас нужно, Лакатос? Что ему нужно?

Лакатос покачал головой.

- Не знаю, повелитель, но довольно скоро выясню и устраню эту занозу. Не беспокойтесь.

- Очень хорошо, Лакатос, - произнес Катафенги. - Не подведи меня.

Он кивнул, как бы разрешая Лакатосу идти, однако тот остался.

- Еще одно, другой вопрос, повелитель, - сказал Лакатос.

- Другой вопрос?

- Да, повелитель. Вопрос о моем преемнике.

- Гмм, - протянул Катафенги, удивленный такой дерзостью. - Боюсь, Лакатос, это слегка преждевременно, пока рядом с нами враг.

Мгновение оба помолчали, глядя друг на друга, а затем Катафенги смягчился.

- Продолжай, - сказал он. - Это Морден?

- Нет, повелитель, - отозвался Лакатос. - Я решил, если бы вы хотели, чтобы он стал моим преемником, то назвали бы его имя.

- Весьма умно, - произнес Катафенги. - Ты хорошо понял мои намерения, но кого же ты тогда выбрал? Я не уверен, что есть кто-то готовый к такому, Лакатос.

- Есть один, - сказал Лакатос. - Я всецело уверен. Это новичок, повелитель, и при том чрезвычайно многообещающий. За прошедшее время он славно мне послужил. Я привел его сюда для встречи с вами. Более того, полагаю, что у него вполне может быть ключ, как нам разобраться с другой нашей проблемой.

- О? - проговорил Катафенги, поднимая голову. Это подстегнуло его любопытство.

Лакатос поклонился и повернулся к двери. Встав в проеме, вожак подал знак кому-то снаружи. Когда он

вернулся, за ним следовал еще один человек: странно одетый мужчина, которого Катафенги прежде не видел.

- Великий магистр Катафенги, - произнес Лакатос. - Представляю вам брата Юргена.

Второй человек остановился на некотором отдалении и припал на одно колено, склонив голову и замерев без движения на каменном полу. Катафенги шаркающей походкой приблизился к коленапреклоненному Юргену и пристально оглядел того. В его наряде не было ничего ни от кавдорца, ни от Искупителя, и такая внешность чрезвычайно обеспокоила Катафенги.

- Обращенный? - спросил он.

- Да, пове... - начал было Лакатос, но его заставил умолкнуть поднятый палец Катафенги.

- Я спрашиваю новоприбывшего, - произнес великий магистр.

- Да, повелитель, - отозвался Юрген, не поднимая глаз от пола. - Я проделал долгий путь, и часто бывал нежеланным гостем. Ходил среди других, не знавших, кому я верен, повелитель. Простите меня.

Катафенги на миг сделал паузу, размышляя. Этот Юрген казался вполне искренним, и он уж точно был не первым членом культа, открыто выходящим на просторы подулья.

- Очень хорошо, брат Юрген, здесь ты желанный гость, - в конечном итоге сказал Катафенги. Напоследок благодарно кивнув, Юрген поднялся с колена и, наконец, осмелился посмотреть на великого магистра.

- Скажи мне, брат Лакатос, - проговорил Катафенги с интонацией, специально подобранной, чтобы испытать терпение Лакатоса, - что же сделал наш новобранец, раз так тебя впечатлил?

- Юрген... - произнес Лакатос.

Юрген сделал шаг вперед и извлек из карманов ком пергаментов. Развернул их и снял сверху два листа. Протянул руку с ними, вручая Лакатосу, но тот отмахнулся. Вместо этого Юрген передал листы напрямую Катафенги.

Катафенги изучил их. Один представлял собой плакат о розыске, которые обычно публикуют гильдейцы. Другой был просто пропуском и не произвел на магистра впечатления.

Юрген приблизился и снова забрал листы у Катафенги, однако все время держал их на расстоянии вытянутой руки, будто невольным жестом фокусника, который показывает свои приношения издали, чтобы не допустить никаких указаний на обман. Пятясь назад, он даже повертел пергаменты за уголки, демонстрируя Катафенги и лицевую, и обратную сторону. Великий магистр кивнул и жестом руки велел Юргену продолжать. Это представление было как минимум забавно.

Юрген достал из своего плаща фляжку и, поскольку оказалось сложно одновременно удерживать документы и открывать неподатливый сосуд, передал листы Лакатосу, который взял их за углы в той же странной манере. Катафенги был заинтригован, почему эти двое выглядят такими подозрительно гордыми из-за простых пергаментов.

Юрген потянул пробку фляги. Та выскочила с пронзительным «чпок», после чего он поднял флягу над пергаментами и опорожнил ее на них, промоchi до такой степени, что оба листа быстро отяжелели. Они сложились и повисли в руке Лакатоса, словно увесистые тряпки.

Взяв один лист у Лакатоса, Юрген туго растянул его за края и зашагал к Катафенги. Лакатос сделал то же самое, на ходу распрямляя пергамент, который держал в руках.

Юрген вручил свой лист Катафенги, все более озадаченному этой сценой. Тот принял пергамент и нахмурился, будучи совершенно не в восторге от залившей все его одеяние воды. Выставил документ перед собой и тут же пришел в смятение.

Под поверхностью плаката о розыске тайлся стих, слово в слово скопированный у древнего идеологума и давным-давно подаренный Катафенги Лакатосу. Похоже, он был внедрен в сами волокна при помощи чернил, которые оставались невидимыми, пока их не смочили.

- Поразительно, - проговорил Катафенги, когда Лакатос передал ему второй лист. На том тоже находился скрытый текст, проявленный влагой.

- Их совсем никак не отследить, и они позволят нам свободно поддерживать связь с нашими друзьями по всему улью. Даже с друзьями из самых верхов, повелитель, - сказал Лакатос. - Попросту нет риска, что содержимое раскроют. Их сделал Юрген, повелитель. У нас есть готовый запас подходящих документов. Их нужно лишь пропитать магией Юргена.

- Впечатляет, - отозвался Катафенги. Его ум с трудом справлялся с возможностями, представлявшимися благодаря необычным талантам этого новобранца.

- Это еще не все, - произнес Лакатос. Он опять кивнул Юргену, и новоприбывший извлек из кармана очередной лист пергамента. Снова развернул и, на сей раз не дожидаясь сигнала, вручил сидящему на троне Катафенги.

Великий магистр взял у Юргена документ и поднес к лицу, чтобы его старые глаза смогли разобрать темный оттиск на грязном пергаменте. Он ахнул от изумления, быстро сменившегося гневом.

- Что это значит? - рявкнул он. - Лакатос, что ты натворил?

В руках у Катафенги был плакат о розыске - совсем такой же, как куда более безликий пример, на котором Юрген демонстрировал свою тайнопись. Однако этот мигмом узнавался, ведь на сепиевом фоне был изображен Лакатос в маске.

Лакатос усмехнулся и подошел к старику.

- Мне показалось, что сходство неплохое, - сказал он. - А вам? Он не просто поддельщик, а еще и художник, этот наш Юрген.

Катафенги поднял голову и вперил в Лакатоса один глаз сквозь высокий конический капюшон.

- Так это фальшивка? - в конце концов, спросил он, лишь понемногу начиная понимать.

- Полная, - отозвался Лакатос. - Хотя и не могу назвать себя невиновным во всем, о чем там говорится.

Закончив фразу, он разразился низким утробным хохотом - на вкус Катафенги, чрезмерно гордясь своим обманом. Этот Юрген, подумал про себя магистр, оказывается весьма интересным.

- Я не планировал сообщать об этом другим, - сказал Юрген, - поскольку никогда не знаешь, кого может понадобиться одурачить, однако я посчитал сугубо правильным и уместным предложить свои услуги Лакатосу.

- А я вам, - добавил Лакатос, обращаясь к Катафенги.

- Славно, славно, славно, - проговорил Катафенги. - Ты прав, и я рад, что никто не знает о твоих подделках. В самом деле, кто его знает, насколько более гладко все может пройти, если меньше людей в курсе. Мы оставим это нашим секретом. Ясно?

- Да, повелитель, - ответил Лакатос.

- Да... повелитель, - произнес Юрген. Чтобы добиться от него обращения, Лакатосу пришлось быстро ткнуть его в ребра, но Катафенги это не особо волновало. На самом деле, он получал от этой формальности удовольствие лишь когда она исходила от надменных глупцов вроде Лакатоса.

- Понимаешь, - сказал Катафенги, - мы должны быть осторожны во всем, чтобы не раскрыть себя. У нас много врагов, много возмутителей спокойствия, которых нужно устранить, однако если действовать против них открыто, это привлекает внимание. Необходимо дожидаться, пока возможность сама не представится нам. Так было до сих пор...

- Повелитель? - переспросил Лакатос.

- Если окажется, что наших врагов также разыскивают и гильдейцы, нам будет гораздо проще разобраться с ними, не так ли? - поинтересовался Катафенги.

- Конечно, повелитель, - отозвался Лакатос. - Если бы их разыскивали гильдейцы, мы могли бы ударить по ним совершенно безнаказанно.

Катафенги уловил в голосе Лакатоса ту же самодовольную интонацию, с которой говорил сам, и они оба вопросительно повернулись к Юргену. Тот секунду помедлил, а затем кивнул в ответ, и на его губах появилась злая улыбка. Он явно понял план.

- Тогда, повелитель, я немедленно пойду, - сказал Юрген, - и превращу наших врагов в разыскиваемых преступников.

- Терпение, Юрген, - произнес Катафенги, оборачиваясь к Лакатосу. - А другое дело? Что Юргену о нем известно?

Лакатос вздрогнул и шагнул вперед. Он явно успел забыть.

- Ах да, да, - поспешно выпалил он. - Юрген, этот Лаго ведь для тебя не пустой звук, верно?

- Нет, вовсе нет, - ответил Юрген. Катафенги подался вперед, внимательно слушая начатую новобранцем историю Альдермана Грейма, за которой последовала его собственная. Затем Юрген продолжил рассказом о севшем ему на хвост Лаго и полудюжине дерзких побегов у того из лап. Когда повествование завершилось, Катафенги продолжил хранить молчание, тщательно стараясь никак не выдать свои мысли.

- Будь я склонен к скоропалительным решениям, Юрген, - в конце концов, проговорил он, - мог бы прийти к выводу, что это ты привел Лаго в наш уголок улья и навлек на нас эти неприятности.

Лакатос сглотнул. Из-за надменности он упустил это весьма очевидное заключение, и Катафенги с удовольствием следил, как он ежится. В конечном итоге, на обвинение ответил Юрген:

- Возможно, повелитель, - произнес он. - Но я не думаю, что вы склонны к скоропалительным решениям.

Катафенги был впечатлен. В Юргене явно таился ум, как минимум не уступавший никому из прочих служителей. И все же у Катафенги пока не было уверенности относительно его мотивов.

- Лаго вполне может искать меня, - сказал Юрген, - но не я привел его сюда. Никогда не слышал об этом Гандомеле и не знаю, что Лаго от него надо. Мне кажется, мы вместе угодили в это дело.

С точки зрения Катафенги, в этом хотя бы присутствовал смысл, и он был удовлетворен тем, что Юрген не принес лишних проблем, однако его все еще чрезвычайно беспокоила загадка гибели Гандомеля. Даже если Юрген и не знал ответов, Катафенги был уверен - это лучший человек, кого можно назначить их отыскать.

- И как же тогда, по-твоему, охотник за наградой от Лаго нашел тебя здесь? - поинтересовался великий магистр.

- Ну, - произнес Юрген. - Я не могу знать наверняка, что он нашел. Это могла быть просто слепая удача. Дурак заблудился в шторм, и так совпало, что при нем в это время был мой плакат.

Катафенги кивнул. Такое, разумеется, могло случиться.

- Или же гильдейцы могли знать больше, чем я рассчитывал, - добавил Юрген. - Я давным-давно поклялся в верности Искуплению, но изо всех сил скрывал это от них.

Это была привычная ушам Катафенги история. У Искупления имелись приверженцы по всему улью, от высших семейств Шпиля до самых низких подонков из стока. Эту разрозненную церковь объединяли всего две вещи: неотступная преданность праведным трудам Императора и полные ненависти преследования, которые их убеждения вызывали у остальных обитателей улья. Для неверующих Искупление являлось опасным, дестабилизирующим культом. Они ненавидели его влияние и страшились незримых агентов, а потому карали всех, кто сообщал о своем благочестии. Это скверное обращение с братьями вызывало у Катафенги горькую злобу, однако он понимал их нужду в секретности и вовсе не считал чем-то плохим то, что Юрген скрывал свою верность все эти годы.

- Я мог и ошибаться, - продолжил Юрген. - Вдруг они всегда знали, что я втайне верую. Если это так, то, полагаю, Лаго просто идет по списку и проверяет всех беглых Искупителей, которых в силах отыскать. Возможно, он даже вообще еще не в курсе, что я здесь. Может, так ему и попался Гандомель.

Катафенги помедлил. Это было веское суждение.

- Хорошо, - произнес он в конце концов. - Юрген, возьми одного из людей Лакатоса и встретись с остатками банды Гандомеля. Узнай у них, что сможешь, а затем реши, как поступить. Как только вопрос с Лаго будет под контролем, мы сумеем двигаться дальше.

- Дальше? - переспросил Юрген.

Лакатос почтительно кивнул со своего места у него за плечом, однако Юрген пока что ничего не знал о разворачивавшемся вокруг глобальном плане. Катафенги совершенно не желал тратить время на разъяснения, и, к счастью, был от них освобожден, когда Лакатос поспешно выступил вперед и вмешался:

- Да, ээ, Юрген, нам нужно *многое* тебе рассказать.

Они втроем прогуливались по растрескавшимся ступеням у подножия купола. Большинство людей отводило глаза, когда мимо проходил Катафенги. В эту пору он редко покидал свою лачугу, и даже те, кто странствовал вместе с ним, привыкли видеть скорее не его самого, а изысканный паланкин. Суетившиеся вокруг люди в красных клобуках, которые в присутствии своего пророка старались выглядеть занятыми делом, должны были считать Лакатоса с Юргеном великими и могущественными фигурами, коль скоро ради них великий магистр вышел из покоев, и именно такое впечатление Катафенги, разумеется, и хотел насаждать.

Когда настанет время священного похода, именно людям вроде Лакатоса и Юргена придется вверить большую часть плана, и любая вера в них, которую он мог вызвать сейчас, будет бесценна. Как бы сильно Катафенги ни стремился познакомить Юргена с делами культа, столь же важно было и познакомить культ с ним. Он провидел для этого новобранца славу... Воистину великие и огненные дела.

- Это наши братья, Юрген, - произнес Катафенги. - Наши братья, открыто носящие мантию и много за это претерпевающие.

Юрген задумчиво глядел в сторону.

- Несомненно, именно по этой причине ты предстал передо мной в таком наряде, - продолжил Катафенги. - Думаю, тебе хорошо известно, как страдает наша вера от рук нечестивцев? Нечестивцы подвергают нас гонениям во имя тьмы в их сердцах и во имя этого ублюдка Хельмавра. Они боятся нас, ибо наша вера в Императора столь велика, что мы не поддаемся их лжи и не оказываем им слепую службу, когда это не то, о чем просит Император. Хельмавр действует ради собственного блага, и так же поступают те, кто работает на него. Они безбожники, трусы и предатели. Они не служат Императору, как мы; они творят вовсе не Его волю, а то, что сделает их жирными и раздувшимися, или же насытит их извращенные аппетиты и исполнит злые желания. И при этом они подвергают гонениям нас.

При этих словах Лакатос поднял руку в перчатке и крепко похлопал по плечу проходящего Искупителя, словно демонстрируя солидарность. Понадобятся дела похрабрее, подумал Катафенги, однако воздержался от указаний на это. Лакатос был высокомерен и склонен рисоваться, но он был набожен, и его целеустремленный пыл оказывал Катафенги хорошую службу.

- Конечно же, мы не одни. Наши враги доказывают свою трусость, не осмеливаясь сражаться с нами, когда мы предстаем в обличье отважного дома Кавдор. Вот почему вы столь важны для нас: ты и подобные тебе, - произнес Катафенги.

- Видишь ли, Юрген, - продолжил он, - нашему делу присягнул не один только Лакатос, но и многие вроде него по всей округе. Близится тот час, когда мы, все вместе, начнем действовать.

- Повелитель? - спросил Юрген.

- То, что мы можем укрыться здесь, результат упорного труда Лакатоса с его Союзом, а также Аддека и прочих таких же. Это дает время уйти от пытливых глаз, время составить план и приготовиться к тому, что грядет. Ты знаешь, что грядет, Юрген?

- Искупление грядет. Искупление грядет для всех нас, - произнес Юрген. В его голосе звучала сила и уверенность в сказанном.

- Очень хорошо, - отозвался Катафенги, - но оно не грядет быстро или легко. Не приходит оно и тихо, без приглашения. Оно приходит через кровь, пот и жертвы. Приходит через священный поход, Юрген, лишь через поход. Вот что грядет: священный поход во имя искупления.

Он следил за реакцией новобранца, однако та была сдержанной и неопределенной. В сущности, Лакатос, уже много раз слышавший подобные речи прежде, выглядел более потрясенным. Возможно, он уловил в голосе Катафенги неотвратимость прозреваемых событий.

- Не думаю, что нам нужно долго ждать начала похода, братя, - в конце концов, сказал великий магистр, в равной мере стремясь и проинформировать Юргена, и подтвердить подозрения Лакатоса. Юрген, как он был убежден, уже понял, несмотря на недавнее прибытие. Великие дела. Великие и огненные дела.

- Понимаешь, - продолжил Катафенги. Они втроем продолжали неспешно идти по щебню у основания чего-то, что раньше, должно быть, являлось немалых размеров мостовым переходом. - Понимаешь, Юрген, было уже много походов, много отважных и преданных мучеников. Они накатывались неистовыми волнами огня и сметали много нечистого, но, как и все волны, их оттесняли назад. На сей раз такого с нами не случится, Юрген.

- Это угодно Императору, - произнес Юрген.

- Несомненно угодно. Потому-то он и вручил нам такую территорию, как мы сейчас удерживаем: Падучие Пески, Осевой Шип, Пепельный Обрыв, Семь Куполов Огня. Мы храним все это именем Его, хотя нашим врагам они кажутся разобщенными и разделенными между множеством банд. Эти нечестивцы, они отбирают у нас все, что принадлежит Искуплению, однако боятся притронуться к владениям Кавдора, трусы. Вот почему им не оттеснить нас, как они оттеснили наших братьев. Они не осознают, с чем столкнулись. Не осознают, что нас так много, и я полностью убежден: когда придет время, их будет слишком мало, чтобы нас остановить.

- Уверен, никто не выстоит против нас, повелитель. Мы хорошо подготовлены, - отозвался Лакатос. Гордыня и жажда внимания вынудили его встрять, хотя он мало что мог сказать.

- Несомненно, однако нужно провести еще немного приготовлений, - заметил Катафенги, - и завершить эти приготовления, чтобы наш поход смог начаться, должен ты, Юрген.

- Я? - переспросил Юрген. Его тон намекал на толику удивления.

- Да, - ответил Катафенги. - Я решил, что когда наш поход начнется, Лакатос будет возле меня. Союзу предстоит сыграть свою роль, и ты должен его направить. Ты готов к этой ответственности?

- Да, - произнес Юрген, - На все воля Императора.

- Очень хорошо, Юрген. Очень хорошо. Был один человек по имени Гандомель. Что тебе о нем известно?

- Слышал кое-что от кого-то другого, - сказал Юрген. Лакатос зашипел от раздражения. Тем не менее, подумалось Катафенги, это как минимум доказывало, что он выбрал себе в преемники самого неболтливую из подручных. Магистр не сомневался: это окажется мудрый выбор.

- Гандомель мертв, - начал Катафенги, - и я не уверен, что кто-либо из оставленных им людей уже готов завершить его работу. Нашу работу. Я не допущу, чтобы перед началом на нашей руке не хватало пальца, Юрген. Как Лакатос позаботился о силе Союза, так мы должны позаботиться и о том, чтобы люди Гандомеля сохранили силу без него.

- Вы желаете, чтобы я заменил Гандомеля, повелитель? - спросил Юрген.

- Нет, Юрген, нет. Просто хочу знать, что Гандомеля заменил один из его людей. Кто-то, с кем можно

вести дела.

- Наша сила всегда была в единстве, Юрген. Для этого жизненно важна связь, и твои тайные послания во многом ее укрепят. Священного похода требует Император, однако Его волю толкую я, и при этом необходимо распространять вести. Твоя задача, Юрген, проследить, чтобы все наши братья знали свои роли, а враги их не раскрыли.

- Ты должен наладить контакт с тем, кого сочтешь подходящим преемником Гандомеля - сейчас, или можешь дождаться, пока с Лаго не разберутся, это решать тебе - но потом требуется поделиться с ним твоими секретами, чтобы у нас была сеть. Затем ты должен распространить по ней весть: в точности, как я скажу, и когда я скажу. Тебе ясно?

- Да, повелитель, - ответил Юрген. - Мне все ясно.

- Мы уже провели подобные приготовления с Аддеком, повелитель, - поспешил вклиниться Лакатос.

- Славно. Мы скоро начнем, но сперва потихоньку. Вы изготовите плакаты о розыске наших самых опасных врагов, и мы ликвидируем их, не вызвав подозрений и оставив банды без лидеров. После этого начнем всерьез. Вы готовы начинать?

- Да, повелитель, - произнес Юрген. - Я готов ко всему этому.

- Очень хорошо, - сказал Катафенги. - Теперь ступайте и делайте, как я вам велел. Наш поход скоро начнется.

- Да, повелитель.

Юрген торопливо поклонился, припав на одно колено. Быстро поднялся, тут же крутанулся на пятке и заспешил прочь по ступеням.

Лакатос задержался еще на секунду и остановился на лестнице, словно ожидая одобрения Катафенги. Магистр был вполне доволен Лакатосом и его действиями, но не имел особого желания еще сильнее подкреплять его самомнение и одарил кавдорца лишь одним кивком головы. Этого хватило, и Лакатос ушел. Их всех ждала предначертанная судьба, и все они знали: до нее рукой подать.

Катафенги глубоко вдохнул окружавший его задымленный воздух. Выдыхая, он почувствовал себя сильнее, чем когда-либо за несколько десятилетий. Близилось его время, время великих дел. Великих и огненных дел.

Глава 6

- Деверес!

Лакатос прокричал имя, еще даже не успев дойти до входа в прибежище банды. Деверес счел не особо мудрым решением допускать, чтобы тот кричал еще раз, и потому быстро слез по лестнице со своего места на крыше.

- Иди с Юргеном, - велел предводитель.

- Ладно, - отозвался Деверес. - Куда?

- Рудный Разлом. Юрген отправляется навестить банду Гандомеля.

У Девереса упало сердце. Со всех сторон слышалось хихиканье. Только Морден награбил его сочувственной полуулыбкой.

- В штормы? - спросил Деверес, хотя он видел, как Мордена посылали наружу всего несколько дней назад, и понимал, что любые протесты бесполезны.

- Да, - сказал Лакатос, - и заберите с собой этого вонючку. - Он пнул изуродованное тело охотника за наградой, лежавшее на обнаженном железном костяке пласкритового пола здания. - Избавьтесь от него.

- Нет, мы должны совсем убраться с дороги, - произнес Юрген. Они уже тащились по пеплу весь прошлый день, и Деверес был уверен, что даже здесь никому и никак не отыскать тело. Идти напрямик в дюны было ему не по нутру.

- Если кто-нибудь узнает, что один из людей Лаго мертв, мало не покажется. Для начала появится сотня проклятых идиотов, охотящихся за наградой и пытающихся заработать на всех его невыполненных контрактах. Среди этих контрактов есть я, и не удивлюсь, если остальные из вас тоже, так что давай-ка позаботимся оставить его там, где никто и никогда не найдет.

У Девереса имелись сомнения, заслуживал ли таких усилий гниющий труп, который они волокли за собой, однако Юрген упорствовал в этом вопросе до такой степени, что казался практически испуганным, и Деверес не видел особого смысла противиться ему.

- Кто он вообще такой, чтоб его? - поинтересовался кавдорец.

- Я не знаю его имени, но видел раньше. Он работает на Лаго.

- Лаго? - переспросил Деверес. - В смысле, я в курсе, что он охотник за наградой, но что в нем такого особенного?

Они вдвоем перевалили через невысокий откос слева, удаляясь от более проторенного пути, которым следовали до сих пор.

- Лаго - это нечто иное, - произнес Юрген. - Как правило, гильдейцы предпочитали нанимать его. В Славной Дыре говаривали, что из всех гильдейцев услугами Лаго не пользуются только нечистые на руку: те, за которыми он, вероятно, уже охотится.

Пепел начал цепляться за ноги Девереса, и при каждом шаге казалось, будто он все глубже погружается в эту дрянь, но Юрген продолжал двигаться вперед, стараясь уйти все дальше и дальше от дороги. По крайней мере, из-за отставания Девереса его кусок веревки провис, и в основном тащил Юрген. Деверес неохотно следовал за ним, плетясь так, чтобы держаться достаточно близко позади и разбирать, что тот говорит.

- Кроме того, они ему доверяли, как нельзя доверять наемнику. Пока я еще работал на гильдейцев, они останавливали выбор на Лаго всякий раз, когда кто-то их обкрадывал. Если какая-то из поставок не сходилась с зашифрованной описью, это дело поручали Лаго.

Они пересекли еще одну гряду дюн. Деверес едва не скатился по противоположному склону, неосторожно взбежав на гребень. Впереди не было ничего, кроме бескрайнего изменчивого моря пепла,

и бандит уверился, что они уже достаточно далеко, однако Юрген зашагал дальше.

- Понимаешь, он работал тихо, никакой шумихи. Никогда не оставлял следов того, как пришел и как ушел. Гильдейцам это нравилось. Если устроишь слишком большой бардак, вырубая людей вроде тех, кого он вырубал, кто-нибудь соединит точки и поймет, что гильдейцы находят тех, кто у них крадет. А если это произойдет, ну, оттуда остается один шаг до понимания, как гильдейцы до них добиваются, а этот секрет стоило охранять, как я уже говорил.

- Так они поэтому его за тобой послали? - спросил Деверес. Оба мужчины перестали идти - вернее, это Юрген перестал идти, а Деверес последовал его примеру - и огляделись. Со всех сторон высились дюны: волнами, одна за другой. Ветер здесь тоже был сильнее, из-за чего холмы вырастали и растекались прямо на глазах. Риск, что тут появятся проходимые дороги, отсутствовал.

Юрген вытащил из приоткнутой за спиной сумки лопату, всадил ее лезвие в пепел и оставил инструмент крепко торчать в вертикальном положении, а сам порылся в кармане и достал необычно выглядящий металлический треугольник. Повозившись с предметом, он бросил его на землю у себя под ногами и ответил на вопрос Девереса:

- Думаю, что да. Смотри, вот гильдейцы меня убили, и люди начинают гадать, почему. Что я такого сделал? Что такого у меня было? - произнес он. - По большей части, за наградой охотится отребье, которое гребет все, что может заполучить. Приди им в голову хоть малейшая идея, что гильдейцы меня преследуют, поскольку я нечто унес, они это найдут. Найдут те пергаменты. Я мог бы выкупить свою жизнь, поделившись секретом с любым, кто меня поймал, и где тогда окажутся гильдейцы?

Деверес с Юргеном выворачивали одну лопату пепла за другой, но процесс продвигался тяжело. Сильные ветры заносили неглубокую яму и, похоже, наполняли ее почти так же быстро, как только мог копать Деверес. Впрочем, у Юргена дела шли лучше. Деверес посмотрел на него. Похоже, тот рыл практически вдоль земли, создавая покатый угол, так что ветры работали заодно с ним, начисто выдувая пепел из уже созданного раскопа. Деверес поступил таким же образом и увидел, как яма стала быстро углубляться, хотя потребовалась еще минута, прежде чем он сообразил, что пепел на самом деле следует сваливать с подветренной стороны.

- Но не Лаго. Ему они доверяют, - сказал Юрген, продолжая бодро работать лопатой. - Наверняка его отправили за мной, чтобы гарантированно прикончить и забрать пергаменты. Понимаешь, я готов поспорить, что помимо меня он единственный не-гильдеец, кому известно о таких вещах, - он похлопал себя по карману, сделав короткий перерыв в изнурительном рытье. Деверес продолжал копать, хотя его результаты и рядом не стояли с успехами Юргена.

- Кроме всех нас теперь, - заметил Деверес. Он говорил слегка торопливо, поскольку силился перевести дух, вымотавшись от нелегкого труда с лопатой.

- Ага, - со смехом отозвался Юрген, - кроме всех вас, и меня это вполне устраивает.

Яма все еще была весьма мелкой, но Юргена она, похоже, устроила. Он ничего не сказал, но положил свою лопату, двинулся к телу и нагнулся возле его ног. Последовав примеру товарища, Деверес наклонился и схватил мертвеца за плечи. Пока они брели к свежевырытой неглубокой могиле, он снова заговорил:

- Откуда взялся этот проклятый Лаго? Я встречал уйму охотников за наградой, и они были совсем не такими, как ты описываешь.

Они остановились на краю ямы. Тело было тяжелым, и оба мужчины выждали всего миг, после чего бесцеремонно сбросили его в импровизированное место упокоения.

- Нет, наверное, нет, - проговорил Юрген, подбирая лопату и сталкивая на тело первую порцию пепла. - По правде сказать, я на самом деле не знаю, откуда взялся Лаго. Сомневаюсь, что кто-либо знает. Впрочем, я слышал пару вещей.

Деверес схватил свою лопату, скидывая пепел в яму, но в основном он опрокидывал большие кучи ногами для большей эффективности. Юрген примолк. Деверес поднял на него глаза от работы, и он, наконец, продолжил рассказ:

- Ну, - произнес он, - однажды я слышал, что он из Шпиля, какой-то телохранитель, но его хозяина предали и убили, а заодно и всех людей при нем.

- Кроме Лаго? - спросил Деверес.

- Кроме Лаго, - отозвался Юрген. - Он спасся и добрался сюда, вниз, и с тех пор хранил верность любому, кому служил, а может быть, верность чему-либо, о чем его просили. Или верность делу, идеалу. Вроде как он считает, будто служит мертвым, или еще какая-то безумная чушь в таком роде. Вот только он выбрал не то дело, - добавил Юрген, посмеиваясь.

- Аминь, *брат*, - сказал Деверес, а затем снова вернулся к телу в яме перед ним. - Такая верность очень редкая штука здесь внизу, поэтому, сдается мне, напрашивается вывод, что он должен быть родом сверху.

- Думаешь, наверху как-то по-другому? - поинтересовался Юрген, и Деверес помедлил, задумавшись. Однако вопрос был риторическим, и Юрген продолжил:

- Впрочем, - произнес он, - в другой раз я слышал, что его вообще не существует, а гильдейцы постоянно заявляют, что послали Лаго, когда хотят нагнать на кого-то жути. Кого бы они ни наняли, до завершения работы он должен быть Лаго. Но опять же, иные утверждают, будто он настоящий, но не совсем человек. Говорят, гильдии вроде как просто вырастили его в баке, чтобы он делал за них их работу, так что кто знает?

- Может, он уже мертв. Может, он погиб в бурях, совсем как этот парень, - заметил Деверес и бросил свое оружие: с последней лопатой пепла яма заполнилась. Воюющие ветры уже преобразили местность вокруг них, и спустя считанные секунды после того, как инструмент упал на землю, его уже покрыл пепел. Яму - или, вернее, неглубокую могилу невезучего охотника за наградой - тоже мигом стало не отличить от окружающей поверхности, и Деверес вполне уверился, что они хорошо поработали. Он поднял взгляд от земли, чтобы поздравить Юргена, но того нигде не было видно.

- Юрген! - завопил он. - Юрген!

Однако ответа не последовало. Деверес повернулся, но и там не было никаких признаков Юргена. Будь прокляты эти штормы, подумал он, когда в лицо вгрызся ветер, а глаза забились пеплом. Ураган опасно усилился, и Деверес едва мог стоять на ногах. Где он, черт побери? Где, черт побери, Юрген?

Деверес едва не выпрыгнул из собственной кожи, почувствовав на плече крепкую руку. Он осознал, что напрочь перестал ориентироваться, когда отвернулся от могилы, и даже крутанувшись на месте он не мог быть уверен, что смотрит туда же, куда и изначально. Кавдорец беззвучно вознес хвалу за то, что Юрген все это время удерживал его в поле зрения.

- Идем, - произнес тот. - Давай возвращаться на дорогу.

Юрген опустился на корточки, практически преклонив колени среди пепла. У его ног лежал тот странный металлический треугольник, который он уронил на глазах у Девереса, когда они только сюда пришли.

Юрген держал еще одно любопытное металлическое приспособление: скелетоподобный каркас из металлических стержней. Он потянул руками в перчатках, разворачивая устройство. Когда он закончил, Деверес увидел, что это треугольная рама чуть крупнее второго треугольника. Стержни образовали причудливые лапки различной длины.

Поставив ее поверх первого предмета, Юрген стал вдавливать конструкцию в пепел, пока треугольная рама со щелчком не коснулась краев того устройства. После этого он постучал по ней и вытащил блок вместе с рамой, странным образом оставив стержни в пепле. Деверес пораженно наблюдал.

Юрген вынул отдельно взятый стержень, чрезвычайно тщательно подцепив его в том месте, где он выходил из пепла. Поднес к лицу, и по той кажущейся неловкости, с которой товарищ вел пальцами по стержню, Деверес предположил, что он что-то измеряет. Юрген на мгновение застыл, потирая подбородок, а затем, наконец, поднялся на ноги. При этом он провел треугольником над стержнями, и они все выскочили наружу, прилипнув к нему. Похоже, предмет представлял собой какой-то магнит. Вслед за этим Юрген двинулся прочь, шагая по дюнам. Деверес заторопился, чтобы не отстать.

- Что это было? - спросил он.

- Старый трюк крысокожих, который я перенял, - отозвался Юрген. - Нам нельзя просто двигаться назад тем же путем, каким пришли, мы ведь не можем знать наверняка, куда идти. К тому же, такой сильный ветер будет всю дорогу нас толкать, сбивая с курса, а может и направляя не в ту сторону, понимаешь?

Деверес хорошо понимал, о чем он.

- Эта штучка улавливает пепел своими краями, так что я вижу, откуда он прилетел, и сколько его собралось. Это дает мне направление ветра, его скорость и количество пепла, которое он перемещает. Достаточно, чтоб корректировать курс на ходу. Усек?

Деверес с энтузиазмом кивнул, хотя на самом деле расслышал едва ли половину речи Юргена, не говоря уж о том, чтобы поспеть за ней. Ему было совершенно все равно, о чем тот говорил. Он просто чувствовал облегчение от того, что следует за человеком, обладающим таким пониманием коварной окружающей среды.

- Как-нибудь покажу тебе, - сказал Юрген. - Может пригодиться.

Выбранный Юргеном маршрут был довольно быстрым, однако он, похоже, вывел их на совершенно другую дорогу - совсем не туда, куда ожидал Деверес. По словам Юргена, они сэкономили массу времени, но минус заключался в том, что предстоял крайне опасный отрезок: через сильнейшие бури пересечь купол, настолько древний и давно покинутый, что у него теперь вообще не имелось названия. В сущности, это даже был уже не купол. Подобные места обычно именовали глубинами, поскольку они уж точно не заслуживали даже того подобия порядка, которое вызывает в мыслях слово «купол».

Это были самые обветшалые окраины подулья. Конструкции здесь до того разрушились и напрочь обвалились, что они превратились в бесформенную глухомань, где одна область ничем не отличалась от другой. Карт не существовало и не могло существовать, а об их изначальных очертаниях можно было лишь догадываться по уцелевшим куполам ближе к центру улья. Они располагались вовсе не так глубоко, как сток или нижние области, однако там, по крайней мере, постоянный приток испарений и продуктов жизнедеятельности из города наверху создавал довольно интересные районы, привлекая поселения, а время от времени – даже предоставлял достаточно ресурсов для выживания людей.

Здесь все было иначе. Эти забытые края широкого основания улья не получали благ от подобных выбросов и представляли собой сухие, бесплодные пустоши, которые, как мог лишь предполагать Деверес, ни капли не отличались от ужасных пепельных пустынь за стеной улья. Он не знал наверняка, поскольку никогда не покидал улей, но не мог вообразить, чтобы снаружи было еще сколько-либо хуже.

В сущности, прямо сейчас дотуда было не слишком далеко. Как раз с западного края пепел и попадал внутрь улья. Отвесная стена, покрытая колоссальными турбинными колодцами, которые в былую эпоху вытягивали извне чистый воздух, теперь исключительно пропускала в сам улей загрязненные отложения из загубленной атмосферы. Именно поэтому подобные места и оказались заброшены, когда жуткий многовековой смог на планете достиг такого уровня, что пробился в вентиляционную систему. Тогда-то сильные мира сего и покинули эти края. Они поднялись выше, ведя строительство поверх тех зон, которые не могли восстановить, и тех людей, кого не желали спасать. Сколько бы отравы ни было снаружи, Шпиль всегда высился над ней, пока обитатели низов тонули. Ровно так Деверес сейчас себя и чувствовал – утонувшим.

Юргена, похоже, ничего не беспокоило, и Деверес радовался, что у них на поясах до сих пор были завязаны веревки, с помощью которых они ранее волокли в дюны тело охотника за наградой. Он уже не раз падал на колени, и пробивавшийся вперед Юрген тащил его за собой. В текущий момент только это позволяло Девересу не отставать.

Следующий переход длился меньше часа, и к его концу Деверес не выдержал. Юрген привел их к самой стене, рассудив, что непосредственно под громадными колодцами должно быть самое безопасное место. Он был прав, поскольку в силу гигантских размеров они выбрасывали заряды пепла на несколько сотен метров, из-за чего прямо под ними образовывалось защищенное пространство, где воздух оставался неподвижным, пусть и до удушливости заполненным пылью.

Теперь, когда они находились у подножия стены, единственное, чего хотелось Девересу – поспать. Однако на это было мало шансов, так как Юрген не сбавлял своего исступленного темпа. Для Девереса это оказалось чересчур, и вскоре он опять повалился на колени. На сей раз он не стал вставать, а вместо этого собрал все остатки сил и резко потянул за веревку, остановив бешеную поступь Юргена и подтягивая того обратно.

- В чем дело? – спросил тот, вернувшись к стоящему на коленях Девересу.

- Перерыв, – произнес Деверес, едва сумев выговорить это единственное слово.

- Ладно, – отрывисто отозвался Юрген.

- Давай. Идем.

- А? – переспросил Деверес, понемногу просыпаясь от того, что Юрген тряс его за плечо. Он потер глаза

и потянул саднящие плечи, ища силы встать.

- И все? - произнес он. Вроде бы с момента остановки на привал прошли считанные минуты.

- И все, - ответил Юрген. - Идем.

Что они и сделали.

Когда они продолжили путь, ветры казались менее суровыми, а может это Деверес отдохнул лучше, чем думал. Он был рад, что они избежали самых скверных бурь, однако из-за следования этим южным маршрутом вдоль стены им предстояло гораздо более долгое странствие до Рудного Разлома, чем ему бы хотелось. Тем не менее, поскольку он путешествовал в более мягкие сезоны, то знал, что самый прямой путь пролегает через полудюжину высоких, открытых и незащищенных глубин, и не мог даже вообразить, насколько сильнее там будет штормить. Прошло три дня, и Деверес уже был близок к изнеможению. Кавдорец сомневался, протянул бы он три дня на любом другом маршруте.

Впрочем, Юрген выглядел таким же крепким, как и всегда, и никогда не сбавлял шага. Девересу становилось все труднее за ним успевать, и вскоре он обнаружил, что вынужден бежать трусцой, чтобы поддерживать пешую скорость Юргена. Тот не раз предлагал идти помедленнее, однако Деверес не собирался признаваться в слабости и, невзирая на измождение, хорошо сознавал: если он не станет держать темп, они могут провести здесь несколько дней, а этого он боялся больше всего.

По прошествии еще часа или двух ландшафт преобразился. Из-за смены направления ветра, часто случавшейся к концу Сезона Пепла, дюны сместились к самой стене улья, словно присасываясь к ней при выходе воздуха. Борозды возле стены, по которым раньше можно было безопасно идти, быстро исчезали на глазах, и паре приходилось преодолевать коварные наносы, что еще больше истощало кончающиеся силы Девереса.

По мере того, как они прокладывали себе дорогу вперед, дюны как будто увеличивались в размерах. Некоторые были настолько крутыми, что для подъема на них мужчинам приходилось разбегаться. Одна, две, три дюны подряд оказывались до того высокими горами, что их вообще нельзя было одолеть, так что маршрут все сильнее петлял.

В поле зрения вздыбилась очередная дюна - менее крупная, но при том более обрывистая. Юрген устремился вперед, слегка скользя, однако инерции хватило, чтобы перебраться. Последовав за ним, Деверес побежал вверх по склону, но ноги отказали. Он грохнулся наземь ровно на верхушке дюны. Закинул руки вперед и перевалил вес тела через гребень, чтобы попросту не съехать обратно вниз, а затем сумел сползти по противоположному откосу. Пусть вышло и неуклюже, но он хотя бы одолел дюну.

Он кое-как поднялся на ноги и посмотрел вперед. Юргена нигде не было видно. Деверес потянулся к поясу, но веревка пропала. Он обругал сам себя. Он же ее и развязал, перед тем как ранее соскользнул в сон. Громоздкий узел на веревке создавал неудобства, вдавливаясь в тело при лежании, и в миг глупости он его распутал.

- Юрген! - завопил он. - Юрген!

Однако ответа не последовало. Деверес повернулся, но и там не было никаких признаков Юргена. Будь прокляты эти штормы, подумал он, когда в лицо вгрызся ветер, а глаза забились пеплом. Ураган опасно

усилился, и Деверес едва мог стоять на ногах. Где он, черт побери? Где, черт побери, Юрген?

Глава 7

Койн беспокойно провел пальцами по магазину, повернул его на триста шестьдесят градусов и задвинул на место до приятного щелчка, после чего вытащил назад и начал этот маниакальный цикл заново.

Пушка практически не покидала его руки с тех пор, как умер Гандомель. С тех пор, как Гандомеля убили, вернее сказать. Он потянулся за ней в ту же секунду, как обнаружил тело – или, по крайней мере, то, что осталось – и его палец прижимался к спусковому крючку при каждом испуганном шаге по пути обратно в убежище. С того момента о Лаго не было никаких вестей, но это вовсе не ободряло Койна, и потому первые несколько суток он день и ночь держался за оружие. Сейчас он держался за него по иной причине. Он держался за него, поскольку Вильгейм точно так же держался за свой пистолет, и эти двое уже много часов не сводили друг с друга глаз.

– Настало мое время, Койн, – произнес Вильгейм. Его попытки вести себя с угрожающим спокойствием разоблачало испуганное поглаживание оружия. – Ты ведь знаешь, будь Гандомель жив, он бы выбрал меня. Знаешь же. Не усложняй все еще больше.

– Гандомеля тут нет, и он тебя не выберет, тупой ты урод, – ответил Койн. Его нервозность проявилась через неподдельную злость. – И непохоже, чтобы тебя еще кто-то выбирал.

Койн не осмеливался отвести взгляд от Вильгейма, но чувствовал поддержку полудюжины членов банды, слонявшихся позади него.

– Я выбираю, – сказал Фрорк со своего места за плечом Вильгейма.

– Я тоже, – добавил стоявший рядом с ним Хем.

Вот так все и началось – с искренней попытки унять распрю. После гибели Гандомеля образовался ужасный вакуум, и его грозили заполнить страсти. Койну вполне успешно удалось уломать остальных согласиться на голосование, но не удалось оставить последнее слово за собой. Вышло шесть-два в его пользу, однако двумя сторонниками Вильгейма были Фрорк и Хем: первый с тяжелым болтером, а второй с тяжелым стаббером. Оба не относились к числу самых умных и, видимо, полагали, будто их голоса должны весить больше других. Как бы то ни было, они решили, что Вильгейм победил, и теперь правила изменились. Исход решался не голосованием.

В этом всегда и состояла разница между Вильгеймом и Койном. Они постоянно выступали в роли левой и правой руки Гандомеля, но были совершенно непохожи. Оба обладали непревзойденными лидерскими качествами, однако Койн практиковал умное, грамотное лидерство, а Вильгейм действовал как боевой генерал, вожак типа «за мной и не отступать». При Гандомеле они идеально дополняли друг друга. Хитрость, трезвая рассудительность и быстрая смекалка Койна обычно вытаскивали их из неприятностей, а когда с этими неприятностями приходилось разбираться в лоб, в ход вступало бесстрашие Вильгейма. Гандомель же властвовал над всей оравой при помощи своих легендарных ораторских способностей.

Гандомель был скорее проповедником, чем предводителем, и Койн всегда предвидел, что он закончит таким образом. Но точно не предвидел, что закончит так скоро.

Пока что они еще не играли по правилам Вильгейма. После нескольких минут тыканья пистолетами они успокоились, и вся банда застряла в нынешнем противостоянии вокруг стола. Однако они уже не играли и по правилам Койна, и чем дольше так продолжалось, тем выше становились шансы на то, что Вильгейм просто закончит дело на свой манер – быстро и жестоко. Было невозможно сказать, кто окажется победителем в этом хаосе, и Вильгейму хватало ума, чтобы это понимать, поэтому как минимум пока что Койн еще мог попытаться выиграть это сражение сугубо своими мозгами.

- Все не так просто, верно, Вильгейм? – произнес Койн. – Дело не только в том, кто заменит Гандомеля. Дело в том, кто будет служить Катафенги, и тебе об этом известно не хуже моего.

При упоминании этого имени прочие у стола нервно заерзали. Некоторые ничего не знали и вопросительно переглянулись. Другим оно было знакомо, но их напугало столь открытое его употребление, а иные до сих пор сомневались, разумно ли так поступать. То, что банда – как и все в доме Кавдор – служит Искуплению, не являлось секретом. Однако о службе конкретно Катафенги и его культу были осведомлены не все.

Койн и Вильгейм хорошо знали Катафенги, поскольку выступали в роли помощников, а также посредников Гандомеля и часто имели дело с его повелителем. Прочие же либо были не в курсе, либо боялись великого магистра, и потому-то Койн и использовал его имя в качестве оружия.

И действительно, стоило упомянуть Катафенги, как Фрорк и Хем тут же заволновались. Они с превеликой радостью бы воспользовались своей грубой силой, чтобы самостоятельно выбрать вожака, но выбрать представителя Катафенги? А может быть, даже выбрать неправильно... У туповатой мускулистой парочки вдруг как будто сильно поубавилось уверенности в себе, когда их озарило понимание того, что именно они сейчас делают.

- Фраг с ним! – заорал Вильгейм, вставая с места. Он крутанул пистолет в ладони, мгновенно переведя его в положение для стрельбы, и направил почерневший ствол прямо в голову Койну. Группа бандитов позади Койна мигом вскинула пушки, дружно наставив их на Вильгейма. Койн остался сидеть, подавив тягу поднять свое оружие. Он прекрасно знал, что эта опрометчивая сцена была проявлением старой боевой смекалки Вильгейма.

Тот рисковал, и Койн понимал это. Вильгейм целился, но ставку он сделал на то, что остальные не пристрелят его сразу же, и таким образом создал противостояние. Единственное, что ему требовалось – чтобы Фрорк с Хемом поддались вспышке гнева, и тогда они бы изрешетили Койна и его сторонников, прежде чем те успели бы сделать хоть один выстрел.

Однако Койн уже успел осуществить свой ход. Он обозначил свою позицию. Фрорк и Хем поняли, что могут восторжествовать при помощи грубой силы и тяжелого вооружения здесь и сейчас. Они останутся живы, Вильгейм станет вожаком. А что потом? Откуда им знать, что они поддерживают нужного человека? Койн видел в их глазах неуверенность – убьем его, а что скажет Катафенги? Ответа на этот вопрос им явно не хотелось получить.

Конечно, Вильгейм все еще имел возможность выстрелить из своего пистолета, но он бы успел выпустить всего один заряд, прежде чем его бы уложили люди Койна, а после этого чего добьются Фрорк и Хем, открыв огонь? Похоже, Койн выиграл сражение. Мозги взяли верх над мускулами. Вильгейм мог устроить привычный ему хаос, но это стало бы самоубийством. Койн был готов отложить финальный вызов.

- Сдается мне, – произнес он, – мы могли бы решить это все еще одним голосованием. Пулями этого не

уладить, верно, парни?

Койн кинул взгляд на Фрорка, а потом на Хема. Язык их телодвижений признавал поражение, и даже Вильгейм, похоже, понял, что с ним покончено. Он убрал пистолет в кобуру и уселся на место.

Бум!

Ощущение было такое, словно Койн не слышал ничего, кроме одного этого слова, которое шепотом прозвучало у него в голове. Вокруг полыхнул ослепительный свет, но мир как будто затих, пока он падал на пол, а по телу проносился палящий жар. Однако перед этим «бум» что-то было – последний звук, который он помнил: бьющееся стекло.

Окно. Стоило снова наступить спокойствию, как в окно влетела осколочная граната, и теперь помещение опять охватил хаос. Вильгейма, Фрорка и Хема нигде не было видно. Тяжелое вооружение двух последних лежало на полу, обгоревшее и искореженное, служа единственным свидетельством их недавней гибели от взрыва. Стол, за которым они сидели, придавил Койна к стене. Один из расщепленных углов впился в бедро, прижимая его к полу, а столешница плашмя упиралась в грудь, лицо и левую руку. На свободе оставалась только правая рука, и бандит отчаянно заелозил ей вверх-вниз, чтобы доказать себе, что он еще жив. Впрочем, зафиксированная голова Койна была обращена влево, так что правая рука находилась вне поля зрения, и он не видел, как лихорадочно хватается воздух.

Через одно-два мгновения паника отступила, и Койн подтянул правую руку ближе к телу, вкрутив ее в зазор между столом и стеной. Выдохнув и упершись в стену выгнутой спиной, кавдорец начал толкать, и стол наклонился вперед. Он сдвинулся достаточно, чтобы избавить голову от мучительного давления, но из-за столь отвесного угла вдруг стало казаться, что он может обрушиться обратно с еще большей силой. Нельзя было терять времени, и Койн, взревев от боли, пустил в ход проткнутую ногу, чтобы создать дополнительный нажим, который требовался, чтобы отклонить стол вверх и подальше, от чего тот грохнулся на свое первоначальное место посреди пола, только в перевернутом положении. Обмякший бандит привалился к стене и сделал глубокий вдох, еще не осмеливаясь опустить взгляд на изувеченную ногу.

Дым начал рассеиваться, и Койн увидел, как впереди него в дверь быстро выскакивают две фигуры с лазганами в руках. Скарра и Трека тоже зацепило взрывом, но, к счастью, отшвырнуло в сторону. Поскольку их не приперло никакими обломками, они быстро поднялись на ноги и кинулись в направлении неизвестного нападавшего. По итогам голосования или по умолчанию, но Койн теперь являлся лидером и понимал, что не может предоставить выжившим разбираться с этим самостоятельно.

Он потянулся руками назад, и пальцы нащупали множество дыр и трещин, покрывавших пласкритовую поверхность стены. Это дало ослабшим конечностям достаточную опору, чтобы он сумел подтянуться и встать.

Правая нога представляла собой жуткое месиво – зияющую рану, заполненную обгорелыми деревянными щепками – и разодранные сухожилия взвыли, когда он оперся на нее. Левая оставалась такой же сильной, как и всегда, доказывая ценность бионического протеза, который ему десять лет назад приделал док Вести. От боли было практически невозможно идти, и Койн быстро обратился к наспех придуманной походке, упирая колено израненной правой ноги в крепкий алмаз левой. Так получался своего рода подвижный костыль, позволявший Койну ковылять вперед, как-то хромя на скрещенных ногах.

Его шаги были мучительными и торопливыми, перемежаясь отчаянными рывками к стене и дверному

проему. Койн использовал каждую возможность ухватиться за любое твердое сооружение, какое только видел, чтобы отчасти снять боль в ужасно искалеченной ноге. Таким манером он вывалился в дверь и окинул взглядом запутанное множество металлических переходов, тянувшихся на сотни метров перед ним. Трек стоял на колене возле проема, прицельно направив свою пушку вглубь купола и прикрывая Скарра, который уже ушел далеко вперед, пробираясь по мосткам в погоне за каким-то мельком замеченным врагом.

- Где часовые? - спросил Койн. Голос звучал страдальческим хрипом, непроизвольно повышавшим тембр и интонацию, когда внутри пробегали прерывистые судороги боли. В ответ Трек лишь нахмурился, и Койн осознал свою ошибку.

Малолетки всегда боялись Вильгейма. Тот был ужасным задирой, и от его рук закончилась карьера не одного из юных членов их же банды. Койн рассчитывал, что такой запуганный молодняк поддержит его, и сам же предложил отозвать их с караульных постов, чтобы они смогли принять участие в выборах лидера. Теперь все они поплатились за подобный недостаток бдительности.

Боль в ноге снова усилилась, и Койн положил руку на плечо Трека, который поднялся и начал осторожно пробираться вперед, занимая новую смотровую позицию, чтобы лучше прикрывать продвижение Скарра. На плечи бандита поверх одеяния был накинут плотный V-образный китель. Койн потянул за него. Трек понял, что он имеет в виду и быстро сбросил с себя этот предмет одежды, передав его раненому вожаку.

Койн достал с пояса нож и распорол ткань кителя, вырезав из него метровую полосу, которой перевязал себе ногу, насколько это было в его силах. Боль оставалась мучительной, но хотя бы казалась постоянной, и он мог ковылять вперед, не падая в агонии. Койн последовал за Треком, перемещавшимся на следующий мостик, который соединял логово банды с общим пространством купола снаружи.

Трек быстро подал сигнал рукой и исчез на лестнице с краю перехода, резво взбираясь по ней и пропав из вида. Впереди Скарр присел за широкой круглой колонной в центре шестиугольной платформы, образующей посреди купола узел, откуда на каждый уровень расходилось шесть мостиков. Скарр махнул рукой сверху вниз, и Койну стало ясно, что атакующие затаились где-то этажом ниже (логово располагалось на пятом из шести преимущественно неповрежденных уровней). Койн прополз по мостику так далеко вперед, как только мог, чтобы не выдать себя полностью - ровно до тех пор, пока не появился обзор на платформу под Скарром. Рискнув бросить взгляд вверх, он увидел, что Трек находится этажом выше, на удалении в пару переходов, так что совместно их поля зрения перекрывали буквально весь нижний уровень. Оба мужчины кивнули, и Скарр нервно сделал шаг из-за колонны, начав опасный спуск по лестнице, приделанной к ней сбоку.

Тут же раздался резкий звук стрельбы, и по всему куполу пронесся шум, с которым пули рикошетили от лестницы. Скарр разжал хватку и качнулся вбок, так что на ступеньках остались только одна рука и нога. Он рискованно повис между этажами, но хотя бы сумел прижаться телом к колонне и скрыться из виду.

Трек выпустил пару зарядов из своего лазгана, и Скарр, не теряя времени даром, прополз остаток пути вниз по лестнице, по максимуму используя ее прикрытие. Спустившись на нижнюю платформу, он пропал с глаз, и Койн изо всех сил поспешил вперед, чтобы занять новую позицию на одном из поперечных мостиков, превращавших и без того запутанную сеть переходов в настоящий лабиринт.

Над головой пронесся громкий лязг, и Койн вздрогнул, но затем облегченно вздохнул, увидев, что это

всего лишь Трек, который тоже занимал позицию получше, пока троица нервно преследовала свою цель. Койну казалось чудом, что им вообще представился такой шанс. В неразберихе, вызванной взрывом, враги наверняка могли бы перестрелять их всех до единого. Разве что, подумал он, едва ли веря сам себе, это вовсе не *враги*.

У него быстро появился повод сбросить эту теорию со счета: в мостик под ним с грохотом ударил выстрел, который промял решетчатую панель, свисавшую с края перехода. Снаряд прилетел с дальнего края купола по правую руку – стороны, полностью противоположной направлению предыдущего выстрела – и Койн вдруг испугался, что их окружили.

Должно быть, эта же мысль посетила Трека и Скарра, поскольку они оба нервно глянули на Койна. Стоило показаться, что аккуратное продвижение накрылось, как их покинула уверенность в себе. Их было слишком мало, чтобы избежать окружения, подумалось Койну, но он хотя бы мог ободрить двух других и дать им шанс вступить в бой.

Достав с пояса осколочную гранату, он швырнул ее высоко в воздух, следя, как она по дуге летит в направлении, откуда был сделан последний выстрел. Видимо, граната сработала в воздухе: шум от ее алого взрыва разнесся еще до того, как успело послышаться звяканье от удара снаряда об пол. Края тех дальних переходов на миг осветились, но не показалось ни единого живого существа, и Койн не знал наверняка, есть ли там еще кто-то.

Должно сойти, подумал Койн. Должно сойти.

Он снова стал пробираться вперед, приближаясь к платформе ровно над Скарром. Наверняка ловушка, размышлял Койн на ходу, но зачем? Они уж точно представляли собой готовые мишени в секунды паники после взрыва. В этом не было смысла, вообще никакого смысла.

Впереди раздались еще два выстрела, нацеленные в Скарра, затем всего на мгновение последовала пауза, и послышался еще один, за которым последовал приглушенный стон. Койн перегнулся через край платформы и увидел, что Скарр под ним упал наземь, держась за ногу. В него попали.

Будь все проклято, подумал Койн и, не теряя больше ни секунды, полетел вниз по лестнице, скользя руками и ногами по гладким кромкам. У него попросту не было времени слезать, как положено. Когда подошвы ботинок врезались в платформу внизу, Койна едва не вырвало от боли. Израненная правая нога подогнулась от силы удара.

Он не стал утруждаться и вставать, а просто стал подтягиваться по плотно уложенным стальным прутьям, из которых состояла платформа, пока не добрался до распростертого Скарра. У того на бедре была сквозная рана. Края отверстия обгорели дочерна, однако недостаточно аккуратно для лазерного импульса. В Скарра попали сплошным снарядом, ничего выдающегося. Это хотя бы дало Койну надежду, что у них еще может быть шанс.

Надежда продержалась недолго. Пока он глядел на рану Скарра, наверху раздался жуткий визг. Подняв голову, Койн увидел, что Трек стоит на краю мостика, шатаясь и вскинув руки вверх, а лазган выпадает из них. Оружие как будто на миг зависло в воздухе, а затем камнем полетело вниз с низким колокольным звоном, с которым увесистый корпус отскакивая от одного перехода за другим. Оно пронеслось мимо припавших к платформе Койна и Скарра.

Через секунду за ним последовал и Трек, рухнувший на землю со своего места на самом верхнем уровне. Падая, он выглядел безжизненным, и Койн вознес молитву, чтобы товарищ и впрямь уже умер,

поскольку ему доводилось видеть, как люди выживали даже после более сильных падений, и это была ужаснейшая участь из всех.

Скарр поднял взгляд. Его перепуганные глаза, в которых стояли слезы, молили Койна помочь. Койн был уверен, что групп две. Одна прямо впереди, ближе к дальнему краю платформы, ранее стреляла по Скарру, когда тот вышел из-за колонны, а другая находилась почти ровно под тем строением, в верхнем ярусе которого размещалось логово банды. Именно эта вторая группа и уложила Трека, слишком близко подошедшего к краю мостика.

Из купола было три выхода: один по мостику справа-сзади, один – спереди-слева, и один точно по курсу. Каждый из диагональных путей, по прикидкам Койна, выводил их в поле зрения обеих групп. Выход впереди, пусть его предположительно и заняли враги, хотя бы был прикрыт от глаз основанием шестизэтажной платформы, на четвертом уровне которой прятались Скарр и Койн. Придется пойти этой дорогой.

Койн пополз на животе, огибая колонну, и придвинулся к дальнему краю платформы. Скарр кое-как последовал за ним. Ничего. Никаких выстрелов. Койн облегченно выдохнул. Очевидно, враги до сих пор находились под ними, и он остался незамеченным, поскольку не высовывался.

Скарр пролез мимо Койна и улегся на верхушку лестницы, ведущей вниз. Он кивнул, и Койн бросил еще одну осколочную гранату – на сей раз в сторону входа. При звуке взрыва Скарр перевалил свой вес через лестницу и в вынужденно хаотичной спешке рухнул на следующий уровень. Он приземлился, перекатился на одно колено и дал очередь лазерных импульсов, которой как раз хватило, чтобы выиграть время, необходимое Койну для спуска следом.

Начиная с этого момента, укрытий больше не было. Койн просто поднялся, вздернул Скарра на ноги за капюшон, чтобы тот догонял, и со всей возможной быстротой побежал по мостику, паля из лазпистолета во мрак впереди. Скарр последовал его примеру, и Койн надеялся, что такой плотности огня будет достаточно, чтобы расчистить дорогу.

Пятьдесят метров мучительного ковыляния – и он добрался до возвышения с дверным проемом, который вел из купола наружу. Схватился за черную металлическую кромку и быстро высунул на ту сторону ствол своей пушки: никого. Кто бы тут ни был, его вынудили отступить. По крайней мере, это даст им со Скарром время сбежать.

Задыхаясь, но чувствуя облегчение, он обернулся сообщить Скарру, что они в безопасности.

Скарр был мертв. Его тело растянулось на металлическом мостике в считанных метрах от Койна. Он лежал лицом вниз. Капюшон скрывал его черты, однако был широко разорван на затылке, где сквозь ткань, плоть и череп проходило отверстие размером с кулак. «Дум-думы»: ничто другое не смогло бы оставить в голове такую дыру без взрыва.

– Дерьмо! – вскрикнул Койн, проталкиваясь за дверь. Как они попали в Скарра оттуда? Бессмыслица.

Пока он соображал, его рука проехала по группе вмятин на металле широкого контрфорса возле двери. Это были свежие отметины – единственная часть всего сооружения, блестевшая серебром. Сняв перчатку, Койн даже ощутил исходящее от них легкое тепло. Следы рикошетов.

Попадания пришлись с необычайной правильностью: все они располагались вокруг одной точки, ни одно не отстояло больше, чем на ширину ладони. Койна наконец-то посетило жуткое озарение.

Ожоги вокруг раны на ноге Скарра оставил сплошной снаряд. Шум пистолетной стрельбы звучал снизу, но пули при этом летели спереди... Скарра убили сзади, пока они убегали... Не было никаких двух отрядов, всего один. Даже не отряд. Всего один человек.

Несколько мастерски нацеленных выстрелов рикошетили от перегородки, заполняя воздух вокруг Скарра, когда тот еще стоял на платформе, и создавая впечатление, будто есть два разных стрелка, но все это время их враг приближался сзади. Этого можно было добиться только сплошными снарядами, поскольку лазерные импульсы никогда так не отскочат. Уловка профессионала.

Койн побежал, паникуя до такой степени, что уронил перчатку на пол, но было уже слишком поздно. Крепкая как тиски хватка рванула его руку назад, а резкий тычковый пинок подсек раненую ногу. Он повалился на колени, при этом выпустив свой лазпистолет, болезненно упал и перекатился набок. Когда Койн перевернулся на спину и отчаянно попытался отползти назад, у него в голове пронеслось одно-единственное слово. Когда тяжелый ботинок обрушился ему на грудь, пригвоздив к мостику в лежачем положении, у него в голове пронеслось одно-единственное слово. Когда он посмотрел в лицо ужасной фигуре, которая стояла над ним, направив Койну в голову стаб-пистолет, у него в голове пронеслось одно-единственное слово. Когда прозвучал финальный выстрел, у него в голове пронеслось одно-единственное слово: Лаго.

Глава 8

- Сделано? - спросил Лакатос. То, что он вдруг повысил голос, насторожило Дюрна. Тот поднял глаза и увидел, что в убежище входят Берзель и Лирбус.

- Никаких проблем, - отозвался Берзель, роняя на стол тяжелый мешок. Собранный им запас кредитов вызывал у Дюрна мало интереса: он уже приучился ждать, когда определится его собственная скудная доля. Это избавляло от разочарований. Он поприветствовал Лирбуса кратким кивком, после чего продолжил править заточки, сложенные на столе рядом с ним, пока его внимание не привлекло упоминание знакомого имени.

- Я сказал Годдлсби, как ты велел, что лучше бы среди денег за следующую неделю был взнос от Бока, иначе они оба поплатятся, - произнес Берзель.

Бок, подумал Дюрн. Что они творят, выставляя счет Боку? Дюрн был в деле достаточно долго, чтобы помнить, как Союз только захватил Падучие Пески. Бионическая левая рука напоминала ему, насколько хорошо Бок воспринял новости, когда они впервые потребовали с него денег за «защиту».

- Хорошо, - проговорил Лакатос, откидываясь на каменном стуле, - и что же на это сказал крысеныш?

- Ну, он поднял адскую вонь, - ответил Лирбус. - Сказал, что Бок никогда не станет платить. Дескать, он не может его заставить, это не его вина, и все такое.

- Все будет нормально, - произнес Берзель. - Годдлсби никогда не смел хоть раз нарушить правила.

- Не совсем так, Берзель, - заметил Лакатос. - В свое время он сумел наделать изрядно ошибок, и я уверен, немало из них были сознательными.

Вернее верно, подумал Дюрн про себя, откладывая заточку и медленно выходя на середину комнаты, где было лучше слышно. Он потер по металлу левой руки грубой кожей правой. У него из головы не шел

Бок.

- Возможно, мы можем помочь бедному малышу Годдлсби, - сказал Лакатос. - Только на этот раз.

- Что? - переспросил Берзель.

- Ну, может, мы должны объяснить Боку, как это все работает. Кроме того, насколько мне видится, он должен нам вполне достаточно просроченных платежей, чтобы нанести ему визит, - ответил Лакатос. - Позаботься об этом.

При мысли о том, что Бок наконец-то понесет заслуженную кару, Дюрн ухмыльнулся от уха до уха, вернулся к своему столу, взял следующую заточку и заскрежетал ей по камню гораздо оживленнее, представляя себе Бока и думая, как Союз прибрал его к рукам. Было лишь вопросом времени, когда же тот рыпнется, и Дюрн надеялся, что именно ему доведется приструнить Бока.

- И ты, Дюрн, - произнес Лакатос. Дюрн мигом выронил заточку.

- С ними? - уточнил он. - К Боку?

- Нет, я имею в виду, что для тебя тоже есть работа, - ответил Лакатос и полез в карман. Он достал три листа пергамента и протянул их на вытянутой руке. Дюрн подошел к вожаку, взял у него листы и проглядел. Это были плакаты о розыске от гильдейцев.

- Похоже, - сказал Лакатос, - кое-кто из здешних добрых горожан занимался тем, чем не следовало бы, и похоже, кое-что из этого их скоро нагонит.

- Хочешь, чтобы я их сдал, получил награду? - спросил Дюрн.

- Нет, нет, - отозвался Лакатос. - В этом нет нужды. В сущности, мы намерены оказать всем этим славным парням услугу. Скажи им, что они в безопасности, что гильдейцы за ними не придут. Мы защитим их, но отныне они будут платить немного больше, понял?

Дюрн разразился низким и злым смехом - достаточным знаком для Лакатоса, что он понял. Кавдорец засунул плакаты за пояс и вышел за дверь.

Ольберт Дирк. Хмм, он всегда был изворотливым сукиным сыном. Мортен? Дюрну было нелегко поверить, что старый Мортен впутался в неприятности с гильдейцами, однако все ведь было написано на плакате. Еще его поразило, как это трое таких людей разом оказались в розыске.

Действительно, из-за Сезона Пепла Падучие Пески зачастую удручающе отставали от жизни, и окончание этого периода сопровождалось потоком новостей, захлестывавших городок, однако штормы еще не прошли, и неожиданное появление этих плакатов казалось Дюрну весьма странным. Неважно. Ему было наплевать, что натворили эти люди. Он собирался выжать их досуха, сыграв на страхе перед гильдейцами, и насладиться каждой секундой этого процесса.

Бредя через город, он долистал до последнего плаката. Лам, вот прирожденная жертва. Он начнет с Лама.

Дюрн перешел широкую улицу и свернул налево, в лабиринт металлических мостков, который тянулся

наружу, будто колония на откосе утеса, до самого края Падучих Песков. На самом деле эти переходы были останками выведенных из употребления кранов, задействованных в безрезультатной попытке спасти разрушающийся купол. Сами машины бросили так же быстро, как и тот купол, который они должны были отстроить заново.

С тех пор прошли уже сотни лет и стоящие краны, когда-то бывшие голыми костяками, успели заполниться массой ржавой изоляции и почерневшей шкурой из металлолома. Их собственные балки крест-накрест пересекались с десятками других. Переброшенные фермы создавали переходы между вершинами. Повсюду на сооружениях возникли импровизированные жилища, занявшие собой машинные отделения, кабины управления и сервисные корзины. Были и другие, сделанные из подручных материалов: листы металла прикручивались к пустотелым рамам, образуя четыре неопрятные стены и шаткую крышу для отчаявшихся обитателей.

Поколения подобной бедняцкой изобретательности превратили крановые леса в приют для плотно сбившейся массы людей, ненадежно державшийся на вершине этого наиболее отдаленного края купола. Это было безысходное место, и всему миру казалось, будто оно должно рухнуть в любую секунду. Подобного никогда не происходило, однако его все равно именовали соответственно: Спады. Из-за вечно напивавших на поселение наносов оно в конечном итоге получило название Падучие Пески.

Дюрну здесь нравилось. Он родился в Городе-улье, в высотке. Впервые попав в подулье, он долгое время прятался с бандой в Ветряном Краю: боровшемся за выживание куполе на месте брошенного космического дока, где ветер без конца завывал среди леса швартовочных пилонов. Дюрн ощущал себя в наибольшей безопасности наверху, где острее всего чувствовался риск, а из доступных ему нынче мест Спады располагались выше всего.

Он вышел на ближайший мостик и сразу же ощутил высоту. Отсюда можно было окинуть взглядом больше полудюжины куполов, которым не повезло располагаться еще ниже, чем сами Падучие Пески. Некоторые стояли покинутыми, но некоторые процветали – по крайней мере, по меркам подулья – и ни для кого не являлось секретом, что довольно скоро этим куполам также суждено было стать частью территории Союза.

Впрочем, они не спешили. Высокий обрыв Спадов делал нападение снизу невозможным, и после захвата необычного плато Падучих Песков для Союза наступила пора накапливания сил. Шум битвы, нервное напряжение вылазов на территорию чужой банды – все это еще будет снова, но не сейчас. Закладывались грандиозные планы, и Дюрн был согласен подождать и посмотреть, как они развернутся по воле вышестоящих.

Грезя об этих вещах, он свернул с мостика вниз, на перекрещенные несущие балки, служившие импровизированной лестницей. Бандит съехал вниз на руках, одолев двадцать метров за считанные секунды. Отсюда он зашел внутрь сооружения, спускаясь уже по огороженной лестнице, пока не добрался до маленького жилища Джопы Лама.

Вдоль платформы на уровне пола тянулся ряд крошечных турбин, каждая не больше мужской ладони, крутившихся на ветру. При вращении на лопастях появлялась корка пепла и ила. Поворачиваясь, лопасти проходили сквозь вереницу жестких щеток, установленных сзади и стряхивавших отложения в стоящий снизу грязный лоток, заполненный жидкостью. Лам был сеяльщиком, и дряни, собранной в этот лоток, предстояли тщательная откачка, фильтрация и просеивание для сбора любых микроскопических крупиц драгоценных руд и полезных ископаемых, переносимых в сером мареве пепельных бурь.

Когда Дюрн вышел на платформу, из окна, прорезанного в железном фасаде лачуги, змеей высунулась рука Лама. В ней тот держал неглубокий поддон с сетчатым дном, с помощью которого зачерпнул из лотка порцию жижи. Втягивая его обратно внутрь, Лам заметил Дюрна и от незамутненного ужаса выронил поддон, при этом по-девчачьи взвизгнув.

- Ну же, старых друзей так не приветствуют, верно ведь, Лам?

- Отстань от меня! - завопил Лам и захлопнул ставень на окне. Паникуя, он, похоже, не обратил внимания, что дверь осталась открытой, так что Дюрн зашел внутрь и увидел, что коротышка съежился возле проема. При приближении бандита он испуганно подпрыгнул.

- Ух! Чего ты хочешь? - спросил Лам. На его грязном лице с бакенбардами был вытравлен страх. Он всегда боялся Дюрна. В былые дни, когда Союз только появился в этом месте, нашлось много тех, кто считал, будто может дать бой, может бороться с властью Союза, и этих людей, одного за другим, заставили исчезнуть.

Спады были для Дюрна одни из любимых мест, чтобы заставлять людей исчезнуть. До следующего купола было триста метров обрыва, и при ударе от человека никогда не оставалось столько, чтобы кто-то внизу заметил, что на самом деле причиной смерти стала перерезанная глотка или заточка в брюхе. Несчастные же случаи были в подулье обычным делом, и жертвы подобных прискорбных падений не вызывали ни подозрений, ни нежелательного интереса.

Именно в ту пору Дюрн и повстречал Лама. Он помнил, как увидел испуганные глаза доходяги, глядевшие из этого же самого маленького окошка, когда взобрался на платформу и бесцеремонным пинком сбросил с ее края еще теплый труп докучливого поселенца. До этого Дюрн скинул тело сверху, но в ту пору он еще был новичком, и по глухому удару понял, что оно приземлилось на что-то, одолев лишь половину пути до низа - оставлять его там означало риск, на который кавдорец не мог пойти. Он слез тем же путем, каким прошел только что, и обнаружил, что труп грудой лежит на платформе Лама, неестественно свесив с края переломанные ноги. Второй толчок оказался решающим, и Дюрн, отряхивая руки и поздравляя себя с хорошей работой, проследил, как кувыркающееся тело пропадает из виду. Тогда-то, обернувшись, он и увидел Лама, дрожавшего по ту сторону окна. Из-за быстрой угрозы обойтись с ним так же старый сеяльщик боялся Дюрна до сих пор.

- Что ты тут делаешь? - спросил Лам, встревоженный долгой паузой, которую выдержал бандит.

- О, ты же знаешь, зачем я сюда спускаюсь, - сказал Дюрн. - Нужно немного поупражнять бросковую руку.

Лам взвизгнул от страха. Ему было достаточно хорошо известно, что это значит. Увидев эффект, произведенный на Лама в первый раз, Дюрн впоследствии специально притаскивал новых членов «команды провалившихся», как он их называл, именно на эту платформу, невзирая на дополнительные усилия. С точки зрения Дюрна, все более чем оправдывал тот ужас, который он видел в глазах Лама, вынужденного наблюдать за очередным прощальным нырком.

Дюрн постоянно говорил Ламу, что тот следующий в очереди. Говорил, что он стареет, и когда не сможет больше поднимать здоровяков, станет вместо них поднимать мелочь вроде Лама. Он поиграл с сеяльщиком, сграбастав того рукой за ворот и оторвав от пола, тем самым немедленно напомнив о своей хорошо настоявшейся угрозе.

Бандит поволок Лама к двери. Ноги старого сеяльщика иступленно дергались в воздухе. В проеме Дюрн

остановился, запустил свободную руку в карман и ткнул в лицо испуганному человеку плакат о розыске.

- Ну, - произнес он, - есть идеи, что тут сказано?

Лам нервно открыл глаза, которые крепко зажмурил от страха перед неминуемым падением. Прищурился, и Дюрн мог читать по губам, как нелегко ему даются слова на плакате перед ним. Дойдя до конца и увидев собственное изображение, сеяльщик пискнул. Дюрн уронил его на пол хибары.

- Я... я... Это не я, это не я. Не знаю, что это такое, - выговорил Лам.

Дюрн лишь рассмеялся.

- Что ж, позволь я тебе расскажу, - произнес он. - Тут сказано: тебя разыскивают за «несанкционированный сбыт несертифицированной руды, продажа какой-то привела к загрязнению поставок гильдии». Вот это, кажется, звучит весьма серьезно, Лам, и, гляди-ка, да. За тебя предлагают награду... за мертвого или *живого*. И сдается мне, это делает тебя довольно-таки крупным уловом.

- Это не я, это не я, - повторил Лам. - Я ничего не делал!

- Нет? - переспросил Дюрн. - Ну, вот твое изображение. Смотри, прямо тут.

Лам начал всхлипывать.

- Ладно, Лам, слушай, - произнес Дюрн. - Коль скоро мы такие старые друзья, я помогу тебе выпутаться. Не думаю, что ты сделал те вещи, о которых здесь сказано, поэтому я за тобой пригляжу. Я и все парни из Союза, мы за тобой приглядим. Кто сможет до тебя добраться, если мы за тобой приглядываем, Лам? А? Кто? Никто, вот кто, только не под нашей защитой. Я к тому, что ты подумай, Лам. Подумай о всех тех жутких делах, что видел в здешних краях, но ты ведь всегда был в безопасности, верно, Лам?

Дюрн предпочел опустить то обстоятельство, что приложил руку почти ко всем тем «жутким делам», но похоже было, что Лам и так уловил суть.

- Я этого не делал, - произнес Лам, все еще всхлипывая.

- И я тебе верю, Лам, я же сказал, - отозвался Дюрн. - И я тебе помогу. Но взамен ты должен для нас кое-что сделать.

- Что? - спросил Лам, вскакивая на ноги.

- Раскошеливайся.

Голос Дюрна напрочь утратил притворную цивилизованность. Это было рывкающее, пронизанное угрозой требование: рык, от которого на ум моментально приходили все ужасные вещи, какие Дюрн мог проделать с Ламом, если тот не раскошелится.

Лам упал на колени. От него остались кожа да кости, его бедность была очевидна, однако он явно сознавал, что выбора нет. Он поплелся к металлической стойке, тянувшейся вдоль стены и являвшейся единственным предметом мебели в комнате, и выдвинул один из плохо подогнанных жестяных ящичков, втиснутых сбоку. Дюрн увидел, как он провел рукой по дну ящичка, и немедленно выставил вперед собственную руку. Лам скривился и уронил на ладонь перчатки здоровяка три кредита. Жалкие три кредита. Для Союза они ничего не значили, но, без сомнения, составляли все состояние Лама. Того факта, что он вообще заплатил, хватило, чтобы продемонстрировать Дюрну - задание прошло успешно.

- Я больше не вернусь, - произнес бандит, позволяя ничтожеству перед ним преисполниться надежды, - но ты будешь платить Годдлсби те же три кредита каждый раз, как он придет. Он позаботится, чтобы они дошли до нас.

Лам со слезами привалился к стене, а Дюрн двинулся дальше, улыбаясь так, как редко улыбался прежде.

Продолжая зло ухмыляться, Дюрн шел по городу, проталкиваясь сквозь толпу, как и подобало дерзкому задире вроде него. С Ламом было легко, Мортен же протестовал чуть больше и еще сильнее пытался оставить кредиты при себе, а Дирк наградил бандита убийственным взглядом под стать его собственному. Однако в конечном итоге вышло три легкие аферы, как и ожидал Дюрн. Ничто не могло нарушить его прекрасного настроения. Ничто, пока он не увидел ее.

Ее. Скусме, которая стояла на улице, беснуясь и топая ногами перед барменом, преграждавшим дверь в «Трубу на дороге». Она не просто пыталась войти внутрь. По ее заплетающимся пьяным воплям было совершенно очевидно, что она уже провела там какое-то время и, похоже, ушла не по своей воле. Олег, младший из двух барменов, работавших в «Трубе», прочно перекрывал дверь позади себя, а недовольная девица кидалась ему на грудь, молотила по плечам кулаками и отчаянно старалась протиснуться мимо.

Дюрн находился недостаточно близко, чтобы разобрать каждое ее слово, но то немногое, что он сумел уловить, вкупе с обвиняюще тыкающим пальцем делало смысл полностью ясным. Скусме была одной из девушек в борделе, хотя Дюрн ее там и не видел во время выселения. Пьяная и ожесточенная, она стояла посреди улицы и бранила обитателей поселения, которые давно пользовались ее услугами, но отвернулись и изобразили неведение, когда ее вышвырнули. Дюрн вздрогнул, и у него внутри поднялся жуткий страх. Довольно скоро тот сменился чувством вины, а затем злобой.

Скусме была права. Она оставалась в Падучих Песках исключительно потому, что дела шли хорошо, и давно бы уже уехала, если бы столь многие местные не потакали своим желаниям, о чем Дюрн знал как никто другой. Однако Сезон Пепла был так же тосклив, как и длинен, а девицы вроде Скусме являлись доступным утешением. Неудивительно, что городок приносил солидные деньги.

Когда Дюрн подошел ближе, слова стали слышнее, хоть и не отчетливее - из-за опьянения, искажавшего яростную тираду. Бармен удерживал Скусме на расстоянии вытянутых рук, а та кидалась вперед и орала через его плечо на клиентов внутри:

- Вы позволили им это сделать, фраганные вы идиоты! Они заберут у вас каждый кредит, - кричала она, указывая на приближавшегося Дюрна, одетого в характерное кавдорское облачение. - Я-то вам хотя бы что-то взамен давала, ублюдки!

После этого бармен явно решил, что с него хватит, и оттолкнул ее посильнее. Заплетающиеся ноги подвели Скусме при попытке отступить, она запнулась и упала, покотившись назад вверх тормашками. Пока Дюрн шел мимо, она лежала, распростершись на земле в гораздо более неприглядном виде.

Бандит не заметил, как она снова поднялась на ноги. По крайней мере, до тех пор, пока она не оказалась прямо позади него, колотя своими крошечными кулачками ему в спину. Обернувшись, кавдорец схватил ее за запястья, удерживая руки вместе перед телом. Дюрн был всецело настроен швырнуть ее наземь и продолжить свой путь, пока не посмотрел ей в глаза. Скусме поглядела на него в ответ, и он осознал ужасную правду.

Она его узнала.

Как она вообще могла узнать, подумалось Дюрну. Он ходил туда исключительно с открытым лицом, так что никто не мог знать, кто он такой. Как, во имя Императора, она могла сейчас, среди улицы, признать в нем, одетом с головы до пят, так что на виду оставался лишь покрытый щетиной подбородок, одного из тех десятков мужчин, которые каждую неделю проходили через ее заведение? Каждую неделю на протяжении многих лет, если говорить начистоту, но Дюрна затрясло при мысли о том, как все это его настигло.

- Ты... - прошипела она, и от того простого и очевидного факта, что она его узнала, уже никуда было не деться. Какую-то секунду Дюрн молился, чтобы оказалось, что он неверно истолковал выражение ее глаз, одако сомнений не оставалось. Она мигом поняла, кто он такой, и на ее губах сложилось имя «Кальдус» - он всегда использовал этот псевдоним с ней. Девушка вырвала одну кисть из его захвата и ударила кавдорца грязной рукой по лицу, стараясь схватиться за маску.

- Ты, ты худший из них, фраганный ты лицемер, - кричала она.

Дюрн отодвинул ее руку, но не ослаблял хватку. Он не мог позволить ей продолжать в том же духе - только не теперь, когда она знала, кто он, а еще знала, что один из ее клиентов также являлся членом банды, вышвырнувшей ее с собственной территории этим самым утром.

Дюрн повалил Скусме и поволок девушку к узкой шахте напротив «Трубы на дороге», что было несложно, учитывая ее миниатюрность и опьянение. Шахта была выложена ржавыми балками, и Скусме взвизгнула, порезав босые ноги об острый металл. Дюрн отпустил ее, позволив упасть наземь. Он встал при входе в шахту, чтобы быть полностью уверенным, что она не вырвется обратно на улицу и не продолжит свою тираду.

- Ублюдок! - заорала она. - Ты один из них, и после всех тех раз, что ты...

Дюрн поспешно заставил ее умолкнуть, прижав руку ко рту, и она пьяно привалилась к стене шахты, явно вымотанная своей вспышкой.

- Тебе это так не сойдет, - произнесла она уже более спокойно, когда Дюрн медленно убрал руку. - Я расскажу всем до единого, чем ты занимаешься, как тебе это нравится, и что ты...

Дюрн опустил на колени и опять зажал девушке рот рукой в перчатке. Она что-то бормотала, но неразборчиво.

- Заткнись, - шепотом сказал Дюрн ей на ухо. - Прокляни Император твою ложь. Если скажешь подобное снова, я убью тебя

Похоже, у маленькой худышки поубавилось желания сопротивляться, и Дюрн рискнул отвести руку.

- Что грешнее, трус? Убить девушку, или платить ей за... - начала было она с безумным взглядом, пока перчатка Дюрна вновь не заглушила ее.

- Еще раз, и я убью тебя прямо сейчас, - произнес бандит. Когда он отважился опять убрать руку, то почувствовал, что Скусме зашлась сумасшедшим пьяным смехом.

- Не убьешь, - сказала она едва слышным шепотом, словно подыгрывая отчаянным уговорам Дюрна сохранять секретность. - Ты не можешь меня убить на глазах у всех этих людей.

Дюрн медленно повернул голову и оглянулся через плечо. Будь проклята эта девица, она была права. Ее предыдущий взрыв не прошел незамеченным, и вокруг «Трубы» теперь ошивалась толпа народу. Конечно, они бы не стали пытаться ему помешать – для этого он вызывал слишком много страха – но Дюрну совсем не нравилась идея объяснять Лакатосу, почему его *видели* за убийством мелкой бродяжки, или, скорее, объяснить, почему он в принципе ее убил.

- Убирайся, – велел он, выплевывая слова так громко, как только мог, чтобы при этом не услышала толпа. – Уезжай отсюда.

- Заставь, – со смехом ответила она. – Заставь меня убраться.

Дюрн скрежетнул зубами, но он понимал, что другого выхода нет. Запустив руку в карман, он извлек кредиты, которые выманил у Лама, Дирка и Мортена. Посмотрел на жетоны в своей руке, зная, что еще пожалеет об этом, однако все равно сунул их Скусме. У него не было выбора.

- Теперь уходи, – сказал он, – а если когда-нибудь вернешься, я убью тебя.

После этого он протолкнулся мимо нее и зашагал вглубь шахты, решив, что будет лучше возвращаться в логово банды совершенно иным путем.

Обратно Дюрн шел целую вечность. Он отвлекался по любому поводу, без конца ломая голову, как бы отбить кредиты и предъявить их Лакатосу, чтобы никто никогда не узнал, что он откупился от этой шлюшки, лишь бы молчала. Бандит задумался, не потрясти ли еще кого-то из прочих горожан, выжав из них еще кредитов и покрыв предшествующую оплошность, но у него больше ни на кого не было реальной грязи, которая бы гарантировала покорность. Его не пугало, что они станут отбиваться, однако одному из них могло хватить духу подать голос против чрезмерных поборов, а Дюрн был не расположен пояснять Лакатосу, почему конкретно он снова собирает с горожан взносы.

Он до такой степени забылся в тревожных раздумьях, что едва заметил, как добрался до убежища Союза, и шагнул внутрь с колотящимся от страха сердцем. Лакатос пребывал на своем «троне» – потертom каменном лотке в углу – и вошедший Дюрн глубоко выдохнул.

- Сделано? – спросил Лакатос.

- Сделано.

- Никаких проблем? – поинтересовался предводитель.

- Никаких проблем, – ответил Дюрн. – Они будут каждую неделю доплачивать Годдлсби, как ты и велел.

Дюрн поиграл с мыслью, не сказать ли Лакатосу, что он не собрал никаких «просрочек», что не понял, о чем тот говорил, но в конечном итоге решил: вероятно, прикидываться дураком не лучший вариант.

И в этот миг в дверях позади него раздался голос, голос святого.

- Лакатос, тебе стоит выслушать, – произнес Юрген, который крайне решительно вошел в комнату, таща на буксире изрядно перемазанного Лирбуса. – Полный провал, и это нехорошо, совсем нехорошо.

Лакатос вскочил на ноги и пересек комнату, встав лицом к лицу с Юргеном. Дюрн не мог поверить в свою удачу. Внимание предводителя всецело переключилось, а задание Дюрна и ожидаемые барыши

оказались практически полностью позабыты. Вместе с Лакатосом он стал внимательно слушать Юргена, который начал один из самых жутких рассказов, какике когда-либо доводилось слышать Дюрну.

- Всех? - переспросил Лакатос, будучи явно не в силах поверить в лихорадочное повествование Юргена.

- Всех, - мрачно сказал Юрген. - Вам повезло, что я услышал шум, а то еще вот и Лирбуса могли бы к списку добавить.

Он был прав. История Лирбуса вышла не менее ужасной, подумал Дюрн.

Дюрну никогда еще не доводилось слышать ничего подобного: как Деверес потерялся в буре; как Юрген обнаружил, что банда Гандомеля, Алые Черепа, поголовно мертва, и скрылся со всей возможной быстротой, но прибежал напрямик в перестрелку у Бока. Большую часть недели Дюрн провел в убежище, и с момента выхода от Девереса не было ни слуху, ни духу. Он до сих пор не вернулся и, хотя никто не осмеливался об этом сказать, стало очевидно, что уже и не вернется. Искать его тоже не было смысла.

- Проклятье, проклятье, проклятье, - проговорил Лакатос, повышая голос по мере нарастания злости. Он врезал кулаком по стене рядом с собой и прошелся вперед-назад.

Дюрн был уверен, что Лакатос взорвется, когда Юрген предположил, что некоторые из Алых Черепов могли перебить друг друга в борьбе за лидерство. Это точно разозлило Лакатоса, но он, видимо, счел такую версию прискорбно предсказуемой.

Все то время, пока Дюрн слушал нешуточные истории Юргена и Лирбуса, он постоянно ожидал, что Лакатос вот-вот устроит им разнос, обвинит в катастрофе, однако тот, похоже, был более склонен критиковать умерших за их идиотизм. Это чрезвычайно удивило Дюрна. Может случиться, и его собственную оплошность примут столь же снисходительно, если она когда-нибудь вскроется. Слабая надежда, сказал он себе.

Лакатос продолжал расхаживать туда-сюда. Никто, даже чужак, не осмеливался заговорить, пока предводитель ломал голову, что же делать дальше.

- Аддек должен знать, - произнес тот. - Если Черепов больше нет, ему нужно занять их территорию, да побыстрее, иначе он окажется без прикрытия. Кто-то должен его известить. Дюрн, отправляйся к Аддеку. Скажи ему, что случилось. Скажи, что надо захватить территорию Гандомеля, *сейчас же*.

Не тратя времени попусту, Дюрн последовал приказу вожака, нырнул в дверь и отбыл или, скорее, скрылся. Если вопрос о недавно поднятых сборах и не был забыт ранее, сейчас это уже точно произошло, а поскольку до обиталища Аддека три дня пути, к моменту возвращения Дюрна об этом уже никак не вспомнят.

Обошлось, думал он про себя, стремительно удаляясь от убежища. Все обошлось.

С него уже практически хватило на один день. Сборы были нежданной работой, а встреча со Скусме - нежданной проблемой. Дюрн сумел выкрутиться, не раскрыв ни свой разврат, ни свое воровство, но все это полностью его вымотало.

Из-за того, что в голове проносились виноватые воспоминания о Скусме и тех недостающих кредитах, он не смог выбраться из логова банды достаточно быстро. Однако смог проделать это без усилий и очевидного риска, сопряженного с выходом в шторм.

Дюрн ведь не был уроженцем этой выгребной ямы, самых жалких глубин подулья. Он родился в Городе-Улье, и чтобы спуститься настолько далеко вниз, требовалось воспользоваться дюжиной древних путей с несметным количеством поворотов и развилок.

Должно быть, тем создателям, кому хватило несчастья появиться на свет в этой низменной клоаке, казалось, будто единственный маршрут пролегает через обветшалые купола, на которые приходилась основная ярость бури, но Дюрн в этом сомневался. Он был уверен, что сможет отыскать другой путь – пересечь улей на верхних уровнях, свободных от тирании Сезона Пепла, а затем спуститься на территорию Аддека через высокие трубы, из которых состояло основание Осевого Шипа.

Он поднялся по лестнице в задней части логова банды, сперва попав на лишенный крыши второй этаж, куда пришлось лезть по выступавшим оконным рамам. Затем осторожно пробрался вдоль осыпавшегося верхнего края стены и оказался у соседнего здания, где крепкая лестница позволила ему безопасно продолжить восхождение.

Еще три яруса – и он покинул лестницу, чтобы двинуться по широкому, пусть и не совсем устойчивому переходу, пересекавшему главную «улицу» поселения. В сущности, эта улица представляла собой не более, чем скопление пепла, грязи и камней, которые были навалены настолько высоко, что полностью погребли под собой пол и нижние этажи купола, образовав плоскую ровную поверхность там, где на самом деле полагалось находиться такой же неравномерной, бессистемной мешанине мостиков, балок и лестниц, какая попадалась повыше. Обитатели подулья не без оснований опасались твердой земли – в естественном виде та встречалась лишь снаружи, в смертоносных пепельных пустошах – и ее подобие в Падучих Песках во многом усугубило их репутацию места, которого следует избегать.

С такой высоты фальшивость «пола» была очевидна, и Дюрн ясно видел, что мнимый первый этаж строений вроде убежища Юргена или логова банды на самом деле являлся седьмым или восьмым уровнем сгинувшего поколения зданий, ради которого и возвели купол.

От этой мысли Дюрн снова подумал о Юргене и его необычном выборе укрытия. Юрген выбрал здание из-за местоположения, утверждая, что для его работы требуются определенные условия вроде правильной вентиляции. Дюрн задался вопросом, не входят ли в число этих «условий» подземные помещения с полной темнотой. Это представлялось вполне здравой идеей, и Дюрн хорошо знал, что бордель был одним из немногих зданий в Падучих Песках, где все еще сохранился доступный нижний, ныне подвальный этаж. Низовые уровни домов вроде штаба банды затопило той же волной обломков, что наделила купол пылевыми улицами, но горстка строений пребывала в достаточно хорошем состоянии, чтобы устоять перед натиском грязи, и потому обзавелась лабиринтами, уходившими вниз, к некогда цокольному этажу. Возможно, именно поэтому Юргену был так ценен конкретно этот дом. Император свидетель, его подвал когда-то был любимой частью здания и для Дюрна.

Дюрн бездумно опустил взгляд на улицу в целом и на бордель в частности. Его сердце замерло от ужаса.

Улицу пересекала Скусме, державшая в руке тяжелый железный лом и направлявшаяся напрямиком к своему прошлому месту работы.

Бешеная сучка никак не хотела оставить все, как есть, и у Дюрна не осталось выбора. К счастью, путь вниз был куда быстрее, чем подъем. Он поспешил к краю мостика, откуда небольшим, но все же

опасным прыжком переместился на платформу, прибитую к самой верхушке той же трубы, в которой на уровне пола купола размещалась «Труба на дороге». Здесь по наружной стороне куда более крупной «Трубы» спускалось переплетение прочих труб и кабель-каналов – большинство не толще мужской руки. Дюрн обхватил ближайшую ногами, скрестил лодыжки и, вцепившись в трубу обеими руками, начал свой рискованный спуск.

Перчатки позволили ему замедлить скольжение, после чего он разжал хватку и пролетел последнюю пару метров до рифленого листа железа. Тот выдавался из стены трубы, образуя крышу одной из многих ветхих временных пристроек, из которых состояли гостевые комнаты «Трубы на дороге».

Несколько пораженных возгласов снизу никак не притормозили Дюрна, и он спрыгнул с крыши и побежал по улице, держась не на виду при помощи запутанного лабиринта сооружений, тянувшихся в стороны от подножия трубы.

Дюрн не сразу заметил Скусме, но отыскал ее довольно легко. Она вышагивала по крошечному проулку вдоль бывшего борделя, так и сжимая в руке железный прут. Прокравшись в тени позади нее, Дюрн приблизился ко входу в проулок и аккуратно выглянул за угол.

Впереди Скусме воткнула прут в проржавевший штурвал посреди задней двери здания. Колесо явно не поворачивали уже много лет, но с рычагом в виде лома миниатюрному телу девушки как раз хватило сил, чтобы его сдвинуть. Еще несколько минут напряженных тяговых усилий – и задняя дверь открылась. Скусме вытащила лом из штурвала и шагнула внутрь, выглядя при этом такой же разозленной, какой Дюрн увидел ее впервые где-то с час назад.

После того, как она скрылась в доме, Дюрн немного выждал, а затем выскользнул из своего укрытия. Пробежав по переулку на полусогнутых ногах, бандит юркнул в широко открытую дверь. Он всегда знал, что рано или поздно со Скусме придется разобраться, и она, похоже, только что до ужаса упростила ему задачу.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Чужак_/_Outlander_\(роман\)&oldid=18423](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Чужак_/_Outlander_(роман)&oldid=18423)

Эта страница в последний раз была отредактирована 23 января 2022 в 18:13.